Золотые пески Болгарии

Марвика
Моя Священная Болгария

Марвика
Моя Священная Болгария
Серия «Золотые пески Болгарии»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42908339
Моя Священная Болгария: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-051-0

Аннотация

Сборник различных по жанру произведений прозы и поэзии предназначен для семейного чтения. Познавательные детские стихи о современных игрушках и законах физики – для дошкольного и младшего школьного возраста. Повести и рассказы в стиле ретро – для старшего поколения. Поэма «Возвращение Орфея», «Один дневник» и постмодерн в «Доме со львами» и «Священная Болгария» – для среднего поколения. Книга награждена литературным Орденом Свв. Кирилла и Мефодия за значительный вклад в укрепление взаимопонимания между народами.

Содержание

Предисловие 4
Часть первая 12
Летят перелётные птицы 12
Серёжа 12
Про банщиков 34
Книги, одеяло и всякое разное 51
Гроза 79
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Марвика
Моя Священная Болгария

Предисловие

Своим предисловием я, возможно, шокирую кого-то из читателей. Как когда-то, открывая тайники собственной души, в определённом смысле шокировала саму себя.

Помнится, это началось, когда, уже будучи в эмиграции, я прохаживалась между стеллажами узенького магазинчика-забегаловки в Праге. Нейтральная мелодия из невидимых глазу динамиков неожиданно сменилась музыкой отнюдь не славянского происхождения, от которой меня начало трясти: каждый её звук доходил до каких-то глубинных струн моего внутреннего я.

После этого случая я стала размышлять, сопоставляя факты семейной хроники, желая отгадать загадку своей, по соображениям безопасности скрытой моими дедом и бабкой, национальной принадлежности.

Прошло несколько лет, и на этот раз я увлеклась болгарской этнографией. Часто посещая пражскую Славянскую библиотеку, с замиранием сердца, но уже ведомая другой своей кровью, металась я между стеллажами книг, лихорадочно выхватывала то одну, то другую, потому что всё мне

было интересно и находило отклик в моей душе. Во время поездок в Москву я и там даром времени не теряла и прочёсывала литературу, связанную с обычаями чувашей и волжских татар, в фондах Российской государственной библиотеки.

И снова я перетрясала историю своего рода, анализируя её уже под другим углом, напряжённо вглядывалась в черты характера и внешности каждого из моих близких и далёких родственников.

Может быть, из-за этого второго случая я и оказалась в конце концов в Болгарии. И, пожалуй, если бы не прожила в ней четырнадцати лет, то так и не смогла бы открыть эту новую родовую тайну. Тайну за семью печатями – и на этот раз уже не только мою личную: столько страстей и по сей день не утихает вокруг тем, связанных с кровным родством и общей историей русского и болгарского народа!

Я много думала об этом, и много открылось мне такого, что наполнило меня осознанием Болгарии как моей второй матери, моей второй родины. Я бесконечно благодарна судьбе за то, что эта встреча с моим прошлым и очень далёким, даже древним, прошлым моей Священной Болгарии всё-таки состоялась.

Моё прежнее представление о ней, связанное с вышитыми крестиком батистовыми платочками; представление – благоухающее розовым маслом во флакончиках и лаком маковок деревянных их футлярчиков; представление – со вкусом ло-

кума, халвы, брынзы, консервированных помидоров и баклажанной икры – всё это лубочное представление о Болгарии наполнилось содержанием моей в ней собственной жизни.

Книга, которую я представляю вниманию пытливого читателя, по форме представляет собой сборник. Поэтому мне хотелось бы предварить её прочтение своего рода путеводителем.

Сборник разделён на две части. Первая, названная «Москва – София» и условно являющаяся российской, – это своего рода предыстория формирования моей любви к Болгарии. Любовь эта генетическая, именно её я наблюдала в глазах многих своих соотечественников при одном только упоминании Болгарии. Но то, что я наблюдала на протяжении всей своей жизни в Болгарии по отношению к России как представитель её народа, невозможно описать словами. Сколько раз в поездках по стране я принимала исповеди о любви к Великой России со стороны простых людей: воспоминания о прежних радостных годах социализма в живых тогда ещё болгарских сёлах, рассказы о поездках в Москву, о работе в Сибири, о студенческих годах.

В чём же секрет такого внутреннего притяжения двух народов?

Ещё живя первую половину своей жизни в России, я мучилась собственной неуёмностью, тем, что сейчас принято называть коротко – «мощёй», постоянным поиском трудных путей, непримиримостью по отношению к будничности ка-

кого-то особенного свойства.

И сегодня, с высоты прожитого опыта, я могу дать объяснение феномену такого, болгарского типа, характера в одной ёмкой формуле: болгарин – это всадник!

Болгарский Всадник является объектом поклонения. Это и таинственное божество, изображаемое на каменных плитках из раскопок, это и выбитый на скале около села Мадара рельеф, называемый Мадарским Всадником («Мадарски конник»). Но не только!

Всадник – это символ развития. Именно благодаря этому особому свойству постоянного движения, изменчивости, приспособляемости к новым условиям и выжил этот древнейший народ. Много гипотез существует сегодня в мире о его первоначальной родине. И не случайно праболгаристика насчитывает четырнадцать локализаций государственности этого этноса в истории нашей цивилизации. А возрождение Болгарии после пятисотлетнего порабощения в составе Османской империи – это реальное, живое свидетельство его исключительной «живучести». Пожалуй, нет другого такого примера!

По неофициальным данным, сегодня вне Болгарии в результате непрекращающегося исхода из-под власти османцев, коммунистов и демократов проживает около двадцати миллионов болгар.

Но не только красно-белая нить мартеницы, древнего болгарского оберега, связывает болгар-эмигрантов с родиной.

Их связывает с ней древнейшее в мире Слово. Ведь именно болгарам приписывается шумерское происхождение.

Во второй части книги «София – Москва», являющейся своего рода посланием к России, есть несколько подсказок для раскрытия этого аспекта болгарского феномена: тайны священного отношения к языку и некоторые причины владения сакральностью Слова.

Может быть, когда-нибудь в будущем национальность человека будет определяться не этническими признаками, а его отношением к общечеловеческим ценностям.

Отношением к звуку, например. Ведь есть же такие, отданные служению музыке, люди.

Или отношением к продукту человеческой деятельности в рыночном аспекте: такие люди говорят, что всё продается и всё покупается.

А есть люди, которые по-особенному относятся к Слову. Они видят в нём код, дающий ключ к познанию духовной составляющей человека как венца Творения. И этот путь познания является подвижническим, потому что тайны, лежащие внутри собственного естества, открываются особенно мучительно.

Сегодня общность таких людей можно поискать среди славянских народов, этнически очень различных, но объединённых единым Словом.

Происхождение этого Слова современные исследователи-тракологи ищут в древней Фракии и на Крите, а первым

посвящённым в Его таинство считают Орфея.

Так это или нет, покажет дальнейшее развитие науки.

Я же прониклась этой темой не только в ходе знакомства с работами историков и этнографов. Так сложилось, что в Болгарии я жила в местах предполагаемого окончания путешествия Орфея с аргонавтами. Это был не самый лёгкий период моей жизни, я ушла в себя, внутренние ощущения были обострены и потому, видимо, мне открылся путь к восприятию информации, связанной с Орфеем. Мои догадки не ограничиваются событиями, которые я описала в поэме «Возвращение Орфея», и я чувствую, что предстоит продолжение этому раскрытию и в будущем.

А сегодня появились новые исследования историков о более близких к нам по времени событиях. Так, впервые освящена роль болгарского царя Бориса I как инициатора идеи просвещения и объединения разноплеменной Болгарии вокруг Слова через христианизацию в середине IX века. Вполне убедительно звучат рассуждения историков о том, что именно Борис, бывший тогда каном (ханом) народа-огнепоклонника, заказал перевод Священного писания с греческого языка на новый усовершенствованный язык двум братьям Константину и Страхилу, родители которых были болгарскими аристократами. Именно Борис организовал и поддерживал их тайную миссию, а затем принял их учеников под свою защиту.

Братья же, в постриге принявшие имена Кирилл и Мефо-

дий, в силу своей исключительной по тем временам образованности пошли ещё дальше. Вместе со своими учениками и последователями Климентом, Наумом, Саввой, Гораздом и Ангеларием они стали не только воплотителями идеи модернизации языка. Я думаю, что на базе существовавших близкородственных наречий многоплеменного болгарского государства они создали его универсальную версию. И новаторство этой версии заключалось в её потенциале, то есть в возможности развития во времени. Это был язык, формообразование которого было перспективным, а не ведущим в тупик, как в известных мёртвых языках. И новаторство это касалось также и его сути, а именно: глубины раскрытия им сакральных смыслов и потому – силы воздействия на человека. Язык этот назывался в истории различно, и старославянским тоже.

Царь Борис I был уникальным и прозорливым практиком. И как задумал, так и завершил начатое – повсеместным устроением школ, где в рамках одного ученического поколения и был введён новый официальный язык. Сегодня подсчитаны огромные средства, вложенные Борисом в перестройку культуры всего болгарского государства.

За этот подвиг и царь Борис (в крещении Михаил), и Седьмичисленники причислены православной церковью к равноапостольным святым.

А в жизни светской и по сей день Учителей славянской письменности прославляют и почитают в Болгарии так, как

ни в одной другой славянской стране. 24 мая – это один из самых любимых болгарских национальных праздников, а для кого-то и самый любимый. Потому что Болгария смогла не раз и чудом выжить именно благодаря невероятно обострённому чувству языка и силы Слова, которое только одно и осталось ей путеводной звездой в непроглядной ночи уцелевания.

Вот почему такой обычный в других странах акт, как выпускные экзамены в средней школе, по неписаным законам, согласно духу самого народа, воспринимается в Болгарии как всенародное событие. И таковым и является – исключительно важным для формирования национального самосознания у молодых. Центральное место в нём отведено сочинению, которое проводится в обстановке благоговейного почитания и трепетного участия в подготовке и ожидания результатов со стороны всего народа.

Вот почему я не смогла остаться безразличной к теме Слова и посвятила ей главное произведение книги, которое назвала «Священная Болгария», как и стихотворение «Бабушка Кириллица» в одноимённом сборнике детских стихов. Ведь в конечном счёте всё, что бы мы ни делали в этой жизни, принадлежит нашим детям!

Марвика

24 апреля 2018 года, Нью-Джерси

Часть первая
«Москва – София»

Летят перелётные птицы
Сборник малой прозы

Серёжа
Рассказ

Когда я вспоминаю своего первого мужа, мне всегда приходят на ум слова русской песни:

Ах, зачем с Серёжею
Села под берёзою?
Ах, мама-мамочка,
Зачем?

И, пытаясь в который раз ответить на этот вопрос, я решила вспомнить всех Серёж, которые так или иначе коснулись моей жизни. Может быть, это поможет мне понять, зачем я под берёзою села именно с ним.

С первым Сережей в своей жизни я оказалась в одном от-

ряде пионерского лагеря «Огонёк». Это был мальчик с очень крупными и яркими губами. Мне только в сентябре в школу идти, а он в отряде всем объявил, что меня любит. И от этого в его присутствии мне как-то не по себе.

В то первое в моей жизни лагерное лето мне нравилось абсолютно всё. И аккуратные домики. И маленькие, чистые и сухие, палаты. И территория с детскими площадками и цветниками. И кино по четвергам про жизнь старшеклассников, которую я не очень понимала и поэтому с удовольствием на неё смотрела. И старший пионервожатый, который, встречая меня на дорожке или в столовой, вкусно пахнущей ломтями серого хлеба с кусками варёной сгущёнки, говорил: «Здравствуй, Солнышко!» Потому что так назывался наш отряд, а я, видимо, была в нём за главную.

В тихий час я объявляю трём своим соседкам по палате: «А теперь повернёмся на правый бок, руки сложим под щёку, глаза закроем и спать!» Удивительно, но подружки меня слушаются. Может быть, потому что я им сказки по вечерам рассказываю, а может, потому что самый решительный мальчик в отряде меня любит.

Однажды ночью началась гроза. Мы под грохот стали с подушками через коридор с мальчиками друг к другу в палаты бегать. Кто от страха, а кто от восторга. Я не боялась. Мне было весело от общего волнения и игры. А Серёжа меня вдруг на кровать повалил, подушкой прижал и говорит мне в самое лицо, что любит, своими красными-прекрасными гу-

бами, которые мне не нравятся, потому что у мальчиков так быть не должно. А потом как поцелует! Прямо в губы. Ну как так можно!

Смена закончилась. Больше мы с ним никогда не виделись. Но я его всю жизнь помню. Может, потому что он взаправду меня любил…

Наступил сентябрь, и я пошла в первый класс. И в нашем классе тоже Серёжу встретила. Мы с ним до сих пор, когда я в Москву приезжаю, видимся или слышимся. Он внуком профессора оказался. Случайно. Потому что его мама домработницей у профессора работала. А потом за их сына замуж вышла. Отец Серёжи и его старшего брата Володи был инженером-конструктором и к тому моменту, как Серёжа учиться пошёл, уже с тётей Таней развёлся. У нас вообще две трети класса – безотцовщина. Мы ж послевоенные. Для нас это нормально. Серёжа в «Чапаева» играет. Мы на продлёнке во дворе гуляем, а он пальто за верхнюю пуговицу на шее застегнул и оно на плечах как бурка висит. Серёжка бегает, «бурка» развевается, и он с налёту на девочек наскакивает и целует, кого успеет. Но он всё носом шмыгает, и я ему кричу: «Ты, Серёжка, сопли-то вытри, а потом целоваться лезь, дурак такой!» Он симпатичный: светлые волосы, крупный нос, глаза серые и губы особенной формы, очень рельефные. Но мне это не нравится. Губы не такие должны быть. У мальчиков. Не такие выразительные…

Когда мы в восьмом классе учились, Серёжка меня попро-

сил позаниматься с ним по французскому. У него дома. Он что-то долго болел и как бы отстал. «Как бы», потому что он вообще-то не очень учился. В том смысле, что не болел учёбой. Он к тому времени вообще как-то сник, стал тихим, может, тогда их отец оставил, я точно не знаю, когда это произошло. Но перемена была резкая. То как командарм летал – свободный и счастливый, а то – не видно, не слышно. Смирно себе сидел и так себе учился. Только когда к нам принц из Сомали пришёл, Серёжка ещё раз прославился. Но как-то анекдотично. У принца имя во все ряды на обложках тетрадок. И нам учителя говорят, что это признак его родовитости, а девочек предупреждают, чтобы были начеку, потому что у них в Сомали в таком возрасте уже давно все замужем и детей по второму кругу рожают. Принц как принц, учиться не хочет, с ним отличница Лола на английском объясняется и даже однажды после уроков позаниматься остаётся. Но не одна, а со мной. Но принц на неё очень развратно смотрит и прямо к себе в гости зазывает. Ей противно, и мне тоже. Больше мы ему не помогаем. Его с Серёжкой посадили, и они как-то там общаются. Похоже, даже дружат. Серёжка принцу всё объясняет, растолковывает. Не знаю, правда, на каком языке. Может, поэтому Серёжку на французский потянуло? Правда, принц его успехов не дождался: в туалете понервничал и с ножом на нашего Андрюху Сорокина, который потом в Афгане десантником воевал, полез. И напрасно. Тот его в считаные секунды разоружил, но ошибку сделал –

нож отдал. Принц в посольство, переводчика притащил. Мы сидим, а он нашей классной пальцем тычет в тех, кто его обидел. И на лице злорадство и уверенность, что сейчас нам всем головы-то пооткручивают. Человек десять натыкал. Но ему, видно, не хватило, и он, окинув нас всех презрительным взглядом, добрался до последней жертвы – Серёжки, которого даже в туалете-то не было. Класс ахнул. Когда я в новостях про Сомали слушаю, всегда думаю: не наш ли это одноклассник там орудует?..

А тогда всё обошлось разборкой у директора, где, ввиду отсутствия вещественных доказательств, в нож никто «не поверил».

Довольно скоро принц уехал. Прощаясь, он обошёл весь класс, пожимая руку мальчикам и хлопая по правому предплечью девочек. И был при этом снисходительно величественный.

А французским я с Серёжкой всё же позанималась, но только один раз. Потому что он не столько занимался, сколько за мной ухаживал. Сока мне томатного сделал: томатную пасту водой из-под крана залил, размешал и говорит: «Пей! Очень вкусно». Потом линейку под стол уронил и доставать полез. А когда вылезал, я наклонилась посмотреть, что он так долго ищет, и мы головами стукнулись. По мне какие-то волны пошли, и мне это не понравилось.

Потом он в армию ушёл в ракетные войска, но облучил-

ся и его по болезни комиссовали. Стал квартиры ремонтировать. Но с задумкой. Художественной.

На дверях берёзы рисовал. С серёжками. И мне картину подарил. На ту же тему. У него долго не было детей. Но, к счастью, Серёжа не прерывал контактов с друзьями детства. И теперь работает в больнице у нашего одноклассника Алёши, заведующего отделением, администратором по эксплуатации здания. Он женился на старшей хирургической медсестре, и у него растёт дочь. Я очень за него рада. Он молодец. Справился.

Во втором классе у нас ещё один Серёжа появился – Коробков. У него голова большая, глаза на выкате и широко поставлены. Он лопоухий и высокий. Волосы редкие, бесцветные. Рот большой, и зубы тоже. Мы с ним дружим. В школе. Я ему списывать арифметику даю. Но мы не поэтому дружим. Он просто любит около меня тереться. О парты, о стулья. Ходит кругами, пока я уроки делаю. Однажды Серёжа отзывает меня в сторону и говорит: «Я тебе подарок принёс. У меня дядька на помойке работает. Я к нему иногда хожу. Вот вчера кольцо нашёл. Это тебе!» И протягивает мне кольцо без камня. Только оправа маленькой короной поблёскивает. Я на кольцо смотрю. Оно жёлтое. Может, думаю, золотое.

У нас в доме ни у кого колец нет. У бабушки – даже обручального. Ей дед, начальник уголовного розыска пятого от-

деления милиции Краснопресненского района города Москвы, когда она в торговле работала, воровать строго-настрого запретил. Сказал: попадёшься – посадят тебя и меня, а детей кто воспитывать будет? Дед когда мимо театра киноактёра на улице Воровского проходил, так там – в садике, где раньше вся местная шатья-братья воровская собиралась – бандиты-рецидивисты его стоя приветствовали. Потому что он никогда на них нераскрытые дела не вешал. И взяток никогда не брал. Уважали его. Поэтому мы ничего и не нажили. Ничего у нас не было: ни машины, ни дачи, ни одежды, ни сбережений. От деда один костюм остался, да две рубашки, да двое ботинок – одни летние, другие зимние, шляпа да кепка. Какие уж там украшения! И у мамы никаких колец. Она замужем вообще не была. Она меня сама родила.

Я Серёжу испуганно спрашиваю:

– А тебе ничего не будет?

А он мне, широко улыбаясь, отвечает:

– Я ж его сам нашёл, когда рылся. Никто не знает. Бери – это тебе.

Щедрость его меня и сегодня волнует. И не потому что кольцо подарил. А потому что во втором классе в эпоху ханжества развитого социализма надумал «даме сердца» подарок сделать. Выглядел он как-то вырожденчески, а душа свободу и благородство излучала.

Приятно мне от его независимости стало. Согласилась я

кольцо взять, думаю, домой принесу – все обрадуются! И правда, потом все его рассматривать стали, даже соседи пришли. Лупу принесли, пробу смотреть. Кольцо старинное оказалось. Проба высокая. Золото – червонное. У нас потом на моё шестнадцатилетие дядя, крёстный мой, его выцыганил. Обменял на современное, но с камушком – маленьким рубином. Наверное, искусственным. Я жалела, но мама сказала, что в Серёжино большой камень надо вставлять, а у нас денег нет. А ей очень хотелось мне кольцо подарить. Правда, потом так вышло, что это дядюшкин подарок. А тогда Сережа мне кольцо в золотце от конфеты завернул, а я его в карман черного школьного фартука положила…

Между этими тремя Серёжами и моим первым мужем, который был бы по счёту четвёртым, мне приснился сон. Я тогда в четвёртом классе училась.

Снится мне одно место прямо перед подъездом нашего семиэтажного углового дома стиля модерн. Справа от маленького жёлтого домика, напоминающего флигелёк Москвы девятнадцатого века, на пустыре, где растут три огромных дерева конского каштана. Должно быть, это была в своё время усадьба. А теперь под каштанами только барак-лавчонка с надписью «Утильсырьё», где принимают старые газеты и тряпки. За пустырём уже другая улица, а по нашей – снова многоэтажные доходные дома. За флигельком растёт малина и стоит разваливающийся сарай. В нём один из собачни-

ков, с которым я познакомилась, прогуливая щенка, держит медведицу. Он её выводит по ночам. И вот на фоне этого чудом уцелевшего оазиса около флигелька, точно у границы пустыря с тротуаром, я вижу сидящего в открытой кабине то ли самолёта, то ли мотоцикла лицом к дороге молодого человека военного вида. Я знаю, что он только что погиб. И хотя он не выглядит мёртвым, это ничего не меняет. И не облегчает моего страдания.

И во сне, и когда я проснулась, меня прямо-таки трясло, как от самого чувства, так и от того факта, что я пережила что-то совсем не свойственное ни моей пионерской жизни, ни моему детскому сознанию. Это абсолютно незнакомое мне переживание я – с ужасающей меня абстрагированностью – определяла как глубокую взрослую любовь, неразрывно связанную с отчаянием от утраты. Я понимала, что со мной случилось что-то из ряда вон выходящее, и долгое время, пока острота ощущения постепенно не померкла и я не слилась вновь с моей реальной жизнью, я продолжала находиться под магнетизмом этого сна. Моего погибшего возлюбленного, а по-другому назвать его было никак невозможно, звали Серёжей…

После восьмого класса много наших ребят ушло в ПТУ и техникумы. Мы с ними больше не общались. Хотя на улицах иногда встречались. Разошлись наши с ними пути-дорожки. Почти все мы потом в институты поступили. А те, кто ушёл,

вроде как людьми второго сорта стали нами восприниматься. Нашу школу с соседней объединили, и у нас ещё больше стало учиться детей номенклатуры и дипломатов.

А в наш класс на место ушедших пришла целая команда волейболистов. Это очень нас всех взволновало: девочек – потому что ребята были спортивные и высокие, а мальчиков – потому что девочек. «Да и вообще, – говорили мальчики, – на фига они в наш класс-то припёрлись, что у нас, своих, что ли, пацанов мало».

«Наши пацаны» были в основном детьми Арбата, то есть детьми улицы. Они тоже спортом занимались – экстремальным: учились выживать. А эти из школы олимпийского резерва, ни фига не учатся, только по тренировкам каждый день да на сборы, но оценки им ставят не ниже четвёрки. А всё из-за того, что при нашей школе новый спортивный зал построили. Вот почему они пришли. Новенькие держатся вместе. Поэтому конфликтов нет. Наши просто «молчат в тряпочку», потому что они недокормленные и каждый сам за себя. Чего выступать-то, можно и схлопотать. А кроме того, у новеньких времени в обрез, они даже на большой перемене бегом в спортзал, и девчонки с ними почти не общаются. Так что зря все так волновались.

Хотя кое-кто под шумок успел кое-что прикарманить. Руководствуясь практическими соображениями: кто успел – тот и съел. Или согласно восточной поговорке: шакал в лесу всегда самую сладкую ягоду берёт. Есть, конечно, люди,

которые рассуждают по-другому: «Вот видишь кусок торта вкусного-превкусного, но большой-пребольшой – понимаешь, что в рот не влезет. Ну что тут делать – отказываешься!» И такие люди бывают. Скромные и совестливые.

…Одного из волейболистов звали Серёжа. И он стал моим первым мужем. Но сейчас не о нём речь…

…Я на БАМе. Работаю в школе, как молодой специалист. Когда самолёт из Москвы в Нижнеангарск приземлился и пассажиры шли с полосы к жёлтому зданию аэровокзала, больше похожему на железнодорожную станцию, я услышала откуда-то сбоку громкий плач женщины. Это из военного вертолёта выгружали цинковый гроб из Афганистана. Женщину, совсем молодую, скорее девушку, держали под руки военные, и она повторяла всё одно и то же: «Серёжа, Серёженька!..»

Через месяц меня выдвинули «в начальство», назначив завучем по организационной работе. Наверное, потому что я из Москвы. Несолидно, конечно, потому что выгляжу я почти как мои ученики-восьмиклассники. На праздничных вечерах родители путают меня со школьницами. Да и в голове моей тоже путаница. Потому что только что я познакомилась с секретарём комсомольской организации «Ленбамстроя» Серёжей Абрамовым. Я пришла к нему знакомиться

как организатор к организатору, подшефный к шефу. Городок наш небольшой молодёжный, всего одиннадцать тысяч жителей. Он раскинулся на берегу Байкала. Пока ленинградцы строят первый благоустроенный квартал, мы все живём в балках, вагончиках и щитовых домиках.

Я вхожу в комсомольский штаб Серёжи – одноэтажное здание, изнутри выкрашенное зелёной масляной краской. Он сидит за столом, составленном из двух частей буквой Т. Встаёт, приветствуя меня. Знакомимся. На вид ему лет тридцать с небольшим. Он невысокий и улыбчивый. Страшно удивляется мне. И рассказывает почему:

– Мы вчера с гостями из Иркутска в «газике» едем. Я им показываю Северобайкальск. И один спрашивает: «А как у вас тут с женщинами, красивые есть?» Я ему отвечаю: «У нас тут такие красавицы, нигде таких больше не встретите!» – и рукой развожу, в сторону окна поворачиваюсь… А там за окном, по дороге – вы идёте.

Я, смеясь, вспоминаю:

– Это я из бани шла. У меня после парилки крылья за спиной на морозе вырастают. Я вымытая была, потому и красивая!

– Да, вы прямо летели!

Уже всё вроде по работе обсудили. А я всё сижу и сижу. Уходить не хочется. Отдыхаю. На столе портрет стоит. На нём мальчик лет четырёх.

Уже всё вроде по работе обсудили. А я всё сижу и сижу.

Уходить не хочется. Отдыхаю. На столе портрет стоит. На нём мальчик лет четырёх.

– Это ваш сын? – интересуюсь.

Он смотрит на меня, а на глазах слёзы:

– Это Виталик.

Я участливо спрашиваю – я вообще очень опасная, потому что всё пропускаю через себя и никогда не держу дистанцию:

– А что случилось, Серёжа?

И его прорывает: наверное, после рабочего дня тоже расслабился. Он рассказывает мне, как жил в Листвянке, воевал с браконьерами. Раз остался дома за сыном смотреть, он приболел, в сад не пошёл. А жене на работу в смену. Она ушла.

– Я завтрак приготовил, хватился, а хлеба нет – забыл купить. «Дай, – думаю, – на лыжах быстро сбегаю, пока Виталик спит». Выхожу из дверей в сени и уже было на улицу за порог шагнул, но слышу звук, оборачиваюсь: а это Виталик дверь приоткрыл и ручонкой к ключу тянется. Испугался я, что он на улицу выйдет. Мороз сорок градусов. Ручонку обратно засунул. «Сиди – говорю, – жди. Я быстро». Дверь на ключ закрыл и на лыжи. В магазин приехал, а там очередь. Нет бы мне сказать, чтоб пропустили. Но я даже подумать о таком не смел. Секретарь комсомольской организации – без очереди! Наконец, купил хлеба. Обратно бегу. И как горку перевалил, вижу: дым валит. Чёрный. Всё у меня внутри оборвалось. Подбегаю. Люди вокруг тушат, кричат мне: «Серё-

жа, дом твой горит! Хорошо, что вы на работе!» Они ж не знали, что Виталик в сад не пошёл. Разбил я окно. Кинулся внутрь. Вытащил его. Но он не выжил…

Серёжа плачет, а я уже знаю, что буду его жалеть.

От нашей с ним любви-нелюбви – потому что я жалела его, а он жене, как оказалось, не первый раз изменял – остались в моей памяти очень сильные воспоминания. Однажды он мне говорит:

– Приготовься. Я тебя на ту сторону Байкала повезу. Встретимся под мостом на реке.

День был морозный и солнечный. Снег слепил белизной и скрипел под ногами. У меня был тряпочный чемоданчик. Сложила я туда свои походные вещички, села на автобус и до реки доехала. Иду к мосту, оглядываюсь, чтобы случайная попутка меня не заметила. Дошла до моста, вижу: машина. Я на чемоданчик сверху прыгнула и на нём, как на санках, вниз на реку лечу по хрустящему снегу. Долетела, и на лёд меня выбросило. Лицо крошкой снежной забило – ничего не вижу. И вдруг чувствую: сверху на меня животное какое-то прыгает и визжит. Глаза открываю, а это щенок кавказской овчарки. И Серёжа на «Буране» под мостом смеётся:

– Это что за чемодан? Ты куда собралась…

– Он маленький – отвечаю. – У меня рюкзака нет!

– Ладно, – говорит. – Прикрутим.

Прикрутили. Щенка я на руки взяла. И мы рванули. Подальше, подальше от города. От людей. От друзей. От врагов.

От оков. Четыре часа мы через Байкал по льду ехали. Лёд был покрыт снежными торосами, торчащими, как плавники снежных акул. Два раза мы останавливались отдохнуть. Щенок бегал и купался в снегу, как наш непослушный ребёнок. Мы были свободны и счастливы. На том берегу оказалось зимовье. Хозяин тайги оставил там метку: зашёл, когда никого не было, и резанул бревно между окошками острыми, как серпы, когтями. Зимовью триста лет. Всё его хозяйство – печь да полати-нары. Есть и стол и пара табуретов, но это смастерил крепкий синеокий дед, который ловит здесь рыбу. Он сидит у окошка и наматывает на крючки шерстяные зелёно-оранжевые и болотно-песочные ниточки, имитируя наживку на хариуса. Когда-то он служил на Байкале, да так потом и остался на веки вечные: не отпустила его вода, синяя, как его глаза. Я чувствую силу и доброту, которую он излучает. В зимовье гости: начальник милиции со свитой, состоящей из трёх человек. Один из них особенно льстивый и угодливый: он развлекает своего господина пошлыми анекдотами и байками. Все недовольны нашим прибытием. Но здесь – законы тайги. Деваться-то некуда. Синеглазый дед подзывает меня к себе, выдвигая из-под стола табуретку. Серёжа смущён, но держится. Нас выручает щенок. Глаза начальника милиции загораются, он хочет купить его. Но Серёжа не соглашается. Тот не расстраивается, знает, что потом своё возьмёт. Конечно, чужое, но всё равно своё. Играет с малышом. Доволен. Мой синеглазый дед тихо мне говорит:

– Ты – хорошая. Не надо тебе с ним.

Я виновато улыбаюсь:

– Так получилось.

И успокаиваю его взглядом:

– Всё будет хорошо. Я знаю.

Я знаю, что всё будет хорошо. Я знаю, что всё переменится. Потому что моя жизнь несётся неудержимо. Это быстро пройдёт: необходимость, из-за которой я – здесь. Это так надо. Я по-другому пока не могу.

Ложимся на полатях: я – направо на узких, а Серёжа – внизу на полу. Остальные на широких – налево от входа. Ворчат, что женщина на утреннике, то есть утренней рыбалке, потому что это приносит неудачу. Быстро засыпаем. Будит транзистор. Пикает четырежды, и пускают песню. «Снегопад, снегопад, я ещё не успела… ты меня торопить, снегопад, не спеши», – поёт Нани Брегвадзе. И сердце моё сжимается, как будто это мне за пятьдесят. Я слышу, как собираются чужие мужчины, по-мальчишески перебраниваясь друг с другом, пока чья-то женщина плачет в эфире о своём коротком женском веке. Мне бесконечно жаль её и себя в ней; и её во мне через каких-нибудь тридцать лет, которые, я это хорошо понимаю, пролетят одним духом.

И, как большая белая птица, я поднимаюсь и кружу над засыпанной снегами избушкой, над озером, по которому ле-

тит снегоход, везущий нас сюда. Озеро окружено сопками и высокими кедрами, тянущими наперегонки свои верхушки ко мне. Байкал как перевёрнутое прозрачное блюдце выгибается мне навстречу, потому что я уже камнем падаю вниз, к «Бурану», и тогда огромный небосвод звёздным парусом раскрывается надо мной и охватывает землю со всех сторон…

…Я просыпаюсь, когда уже давно никого нет. Тихий свет просачивается сквозь окна. Я встаю; обхожу свои новые покои, играя в Снегурочку. Через полчаса появляется дед. Он берёт меня с собой. За рыбой. На розвальнях – шубы. Заворачиваюсь в одну из них. Савраска несёт нас с пригорка прямо на лёд к двум полыньям.

– Смотри, – говорит синеглазый мой дед.

Он тянет-тянет из одной полыньи сеть, и вот уже вся ловушка, образованная вложенными усечёнными конусами, набитая рыбой, появляется перед нами. Дед ловко вытряхивает на снег чёрных с разводами широкомордых усатых налимов и быстрым движение бьёт деревянной палкой по головам, оглушая их. Это для кондиции, необходимой при сдаче рыбы на продажу: теперь налимы замёрзнут выпрямившись, а не свернутся так и сяк, быстро засыпая на морозе. Бросаем рыбу в розвальни. Нам помогает подоспевший с рыбалки Серёжа. Вернувшись, мы прощаемся с дедом и трогаемся дальше, уже вдоль берега. К егерю.

У егеря небольшой бревенчатый дом. Но сам он в тайге. И

мы радуемся нашему уединению. Отдыхаем. Ловим рыбу из небольшой полыньи. Дует ветер. И Серёжа, сев к нему спиной, ловит хариусов на насадку. У него в руках очень короткая удочка, буквально как древко флажка у сигнального. Он опускает цветную насадку в воду и начинает подёргивать ею. Проходит некоторое время. И вдруг начинается клёв.

– Косяк пошёл, – говорит Серёжа.

Он только успевает выхватывать рыб из воды, и через пятнадцать минут больше двадцати хариусов, окрашенных радужными кругами по спинкам, лежат перед нами на льду. В доме на печке он варит уху, а перед тем как снять её с огня, заправляет растёртой печенью налима. Мы остаёмся ночевать. Серёжа пахнет рыбой.

Мы рассказываем друг другу о себе. Он – о Тане, его шестилетней дочке. И в счастье нашей близости он страдает – я постоянно чувствую это – от безысходности нашей связи: у Серёжи – девятимесячный сын. И мечтает, мечтает. Как мы уедем в Листвянку, как… Непонятно, что и как. Ясно только, что жизни у него – нет. Потому что жена не может простить ему Виталика. Мне кажется, у неё тихое помешательство. Как, впрочем, и у него.

Темнеет. И Серёжа предлагает мне искупаться. Я крайне удивляюсь, а он тихо смеётся.

– Бери, – говорит, – лампу и полотенце.

Мы садимся на «Буран» и едем по дорожке, которую он

расчищал, пока я на часок прикорнула. Я держу в руке керосиновую лампу и освещаю мощные лапы елей, обступивших нас отовсюду отвесной стеной. Мне тепло и уютно, прижавшись к спине Серёжи, слушать эхо снегохода, прыгающее с ветки на ветку всё выше и выше. Я воспринимаю это медленное кружение по петляющей в снегу дорожке как сцену из спектакля в театре двух актёров. Неожиданно мы останавливаемся, и я вижу в свете колбы моей волшебной лампы клубящийся паром песочный ручей, в котором растёт короткая травка. Над ручьём тяжело свисают хвойные ветки с залепившимися глыбами прессованного снега – «куржаками». Ручей, переливаясь по камушкам, добегает до небольшого бассейна, над которым построен домик купальни. Это радоновый источник. Температура воды в нём – около шестидесяти. Серёжа просит меня быть осторожной. «Только двадцать минут», – говорит он. Но мне хватает и десяти. Сердце начинает бешено колотиться, и я выхожу из воды.

– Это с непривычки, – успокаивает меня Серёжа.

Но я не боюсь. Я наслаждаюсь нереальностью реальности…

…Позже мы съездили ещё на один источник, но тогда была большая компания. И хотя мы плескались, как дети, в эйфории соприкосновения с чудом, но всё же первая поездка осталась непревзойдённой.

Расставались мы с Серёжей тяжело. Было много челове-

ческой суеты вокруг нашей с ним истории. Щенка у Сережи украли, его годовалый сын заболел менингитом. Из Ленинграда прислали очень редкое лекарство, и мальчика спасли.

Ещё раньше нас разоблачили, и очень скоро я отказалась видеться с ним, потому что потеряла чувство жалости. На его место пришла неприязнь. Но Серёжа боролся. До последнего.

Однажды он попросил меня поехать с ним в тайгу. Он сказал, что знает одну приворотную травку, которая вернёт мне чувства.

Я действительно очень хотела вернуть себя ему. Он взял палатку, спальные мешки, и мы сели на мотоцикл. Мне было очень страшно ехать на нём. Я не люблю скорость. Серёжа всё хотел, чтобы я попробовала вести мотоцикл сама. Он охватывал меня сзади, и так вместе мы управляли. Он всё хотел, чтобы я превозмогла себя. Но тогда мне было этого не дано.

В тайге он уложил меня в подбитый шкурой спальный мешок, а сам пошёл за травой. Сквозь сон я слышала, как он что-то разбивал в алюминиевой кружке. Потом он меня разбудил. Мы сели у костра. Он дал мне свой любовный отвар. И я повторяла заклинание, которому научил его один столетний дед. Когда я пила настой, мне понравился его вкус: он отдавал мелиссой.

Возвращаясь, мы были счастливы. Мы оба ждали чуда. Перед расставанием он протянул мне конфетку. Когда я ве-

чером положила её в рот, то сразу поняла, что он разбивал в алюминиевой кружке. Я почувствовала себя обманутой и преданной. Я же ему верила! Я ничего не сказала Серёже и ничего не спросила. Я просто перестала его уважать.

И только спустя тридцать лет, которые пролетели как один день, вспоминая те времена, я вдруг подумала: а что, если он действительно положил приворотную травку, а конфетку разбил для того, чтоб мне было сладко?

Бедный Серёжа!

В начале девяностых я занялась пчеловодством. Тогда был бум на пчёл. Все хотели разбогатеть на яде. Всюду открывались курсы. А я даже поступила в Институт пчеловодства в Рыбном. Нас было больше шестидесяти, со всего СНГ. Все с высшим образованием. Врачи, учителя, геологи, агрономы. В основном в возрасте от тридцати до сорока лет. Было душевно. Как будто нам вернули молодость. Мы дружили, и не хотелось расставаться. Среди других был и Серёжа. Из Самары. Он напоминал мне моего отца, с которым я всё же познакомилась – в девятнадцать лет. И это мне мешало относиться к нему всерьёз. Получив дипломы, мы возвращались все вместе. Серёжа и ещё две мои сокурсницы из других городов остановились у меня на несколько дней. Серёжа всё смотрел на меня. Всё шутил. А потом прислал письмо. Он звал меня в Самару в свой дом, в котором была раньше старообрядческая молельня. Он писал, что золотых гор не

обещает, но всё, что у него есть, он разделит со мной. Я не ответила…

У моей подруги, самой любимой, самой близкой, дома – одни Серёжи. Её отец – дядя Серёжа, брат Серёжа и сын брата, племянник Милочки, тоже Серёжа.

Когда я бываю в Москве, я сразу еду к ним в гости с отчётом. Как и что. Дядя Серёжа всегда поднимает тост в мою честь. Он говорит очень красиво и уважительно. И я верю, что он действительно искренен. Потому что он никогда не лицемерит. Он очень мудрый человек.

Я давно не живу в России. У меня большая семья. Но я продолжаю задавать себе вопрос: а встретила ли я «мужчину моей жизни»? Или наши пути разминулись? И я не дождалась, быстро и лихорадочно перелистывая страницы моей книги.

Вот, кажется мне, вот он. Мой Серёжа. Даже имена совпадают. Мой первый поцелуй. Мой первый подарок. Моё первое чувство. Мой первый мужчина. Мой несчастный любовник. Мой друг. Мой поклонник. Мой наставник. Мой сон. Моя погибшая любовь.

Такая частота встреч… Определённо, для меня это имя – особенное. Я и сегодня произношу его с нежностью. Несмотря на всю несостоятельность моей любви ко всем реальным

его носителям.

Но, может быть, это моя мечта?
Которой так и не суждено было сбыться.
15 сентября 2009 г.
Димчево

Про банщиков
Рассказ

– Я вчера у Тани с её мужем пообщалась, – начинает разговор Катя, обращаясь к своей старшей дочери Нике. – Чуть с ума не сошла.

– А что такое-то? – рассеянно спрашивает Ника, глядя в телевизор и уписывая тёпленькие, только что испечённые Катей оладушки.

– Видишь, какие нежные получились, как блинчики. Попробуй! Ну как: вкусные? – спрашивала четверть часа назад Катя, ещё суетясь у плиты и радуясь только что открытому её новому рецепту.

– Да, вкусные…

– Не как обычные, – возбуждённо пояснила она, продолжая жарить оладушки. – Знаешь, такие толстые, пузырчатые…

– Да, все в масле… – отозвалась Ника.

– И содой отдают! Я такие вообще не люблю. А эти видишь какие получились, как на дрожжах! А ведь на соде. Я только что секрет открыла! И ты, Вера, тоже слушай, – привлекла она внимание другой, на десять лет моложе Ники, дочери, уткнувшейся в компьютер, и начала перечислять ингредиенты…

…Теперь же Катя, вспоминая мужа своей новой подруги, поёживается и продолжает:

– Да на первый взгляд вроде ничего!

– Да и мне тоже так показалось, что ничего. Гостеприимный! – не отрываясь от экрана, поддерживает разговор Ника.

– Но, Ник, ты знаешь, он абсолютно дикий! Вначале вроде миролюбивый. А потом наседать начинает. Предложил пива выпить. Я отказалась. Ты ж знаешь, я не люблю. А он:

«Нет у нас таких дел. В нашем доме не будешь говорить „не хочу“. В нашем доме нет слова „не хочу“. У нас только слово „хочу“. Так у нас в доме!» Ну, мы с Таней в фотографии углубились – хорошо, что она их из Бургаса привезла. Делаем вид, что увлечены. Переглядываемся многозначительно. Бедная! Как она его столько лет выдерживает. Я два часа посидела и всё ещё отойти не могу. Такая от него тупая, дикая сила прёт, аж с ног сшибает.

– А чего она с ним не разведётся? – интересуется Ника всё так же отстранённо и в то же время участливо, как только она одна умеет вести разговор.

Ника говорит, что не любит людей. Но Катя успевает время от времени вести с ней такие вот жизненные беседы, наперёд зная, что эмоциональной реакции от Ники не жди – не будет. Может быть, именно это Никино отстранённое присутствие и заводит Катю. И она, всё более и более увлекаясь, вспоминает какую-то душещипательную историю из своей жизни.

Как сейчас, например.

– А он, видимо, добрый! – стараясь быть объективной, продолжает Катя.

– Да, добрый. Любезный такой, – вторит ей эхом Ника.

– Дети на фотографиях такие красивые. Дети любви, видно… Когда маленькие были…

– Да, видимо, когда маленькие. Сын у неё не такой, как отец. Замкнутый какой-то. Молчит. Мрачный.

– Да он тоже дикий. Агрессивный. Таня это понимает. Она вообще очень умная женщина. Она всё понимает. Потому и по психушкам, бедная, время от времени лечится. Амортизированные они оба. Троих детей поднять в этой безумной, бесчеловечной жизни. Истрёпаны оба вдрызг… А ты знаешь, наш дом, оказывается, Пенчо строил? – резко меняет тему разговора Катя.

И, видя непонимание Ники относительно того, кто такой Пенчо – уж, кажется, всех за семь лет проживания в этой болгарской деревушке на берегу моря узнали – добавляет:

– Ну, муж Тани. Его Пенчо зовут. Я ему говорю, что, мол,

слышала, что вроде Петр строил. А он отвечает, что да: Петр-зверь. Тот мастером был, а Пенчо работником.

– Интересно, – отзывается Ника.

– Вот, видишь, как бывает. Он и строителем, и монтёром, и водителем, и механиком. Нет, механик её сын Димитр. Таня говорит, очень толковый. В общем, жить с такими людьми можно, если только прикинуться, что ничего не слышишь, не видишь и не понимаешь. Вот Таня и прикидывалась, пока с ума не сошла. Жалко её. Среда… А! – вдруг неожиданно вспоминает Катя давно забытую ею историю. – Я сейчас тебе что-то расскажу. Это на тему среды! Очень грустный случай.

Ника продолжает есть, глядя в телевизор. Но Вера спиной подаётся в направлении обещающего развиться разговора. Катя смотрит в руки Ники и, замечая там тарелку с гречкой, радуется ещё больше:

– Вкусная гречка? Хорошо, что я гречку сварила. Поразнообразнее, правда?

Ника соглашается покачиванием головы «восьмёркой», как болгары. А вдохновлённая гречкой ли, Никой ли, а может, Вериной спиной, Катя начинает свой рассказ:

– Я тогда в ФИАНе работала. В физическом институте, где Сахаров бомбу делал. В библиотеке. Только что с первым мужем развелась. Вот, кстати, хорошая идея, – смотрит она на Нику, – устроиться в какую-нибудь техническую библиотеку. Там народ интересный, всегда можно с кем-то познакомиться.

Ника молчит, только тень пробегает по её классически красивому гордому профилю.

И Катя продолжает:

– Я тогда молодая была. Может быть, лет двадцать… нет, точно двадцать первый год пошёл. Почти как тебе. Мужчин много. Всё научные сотрудники. И был там один парень. Еврей-полукровка. Мать у него еврейка. Симпатичный такой. Синеглазый. На Блока чем-то похож. Интеллигентный парень. Живой такой. Лёня его звали. В общем, закрутился у нас роман. А он женат был. И ребёнок у него. Сын. Уже довольно взрослый. Лет десять. Он его всё зайцем называл. «Заяц, – говорил, – мой ушааастый!»

Лёня в отделе экспериментальной физики работал. Экспериментатором. По лазерам что-то там. Кстати, ты знаешь, камни такие есть искусственные – фианиты? Так вот, их в ФИАНе изобрели. Поэтому они и называются фианиты… Ну так вот, хороший был парень, – продолжает Катя, присев на край дивана, поближе к Нике, и стараясь говорить не так громко, хотя уже видно, что Вера навострила уши. – Ласковый такой, мягкий. Но жена у него, сейчас держись, – предупреждает она Нику, – знаешь кем была? Дочкой, – делает короткую паузу и выпаливает, стремясь произвести ошеломляющий эффект, – дочкой БАНЩИКА.

– А-а, – вяло отзывается Ника.

Но это не смущает Катю, потому что она уже внутри своего повествования. Уже видит перед собой его участников.

Ощущает то по-своему счастливое время последних лет социализма. В её сознании всплывают картинки, и она повествует, всё более и более увлекаясь переживанием былых, припорошённых снежком пробежавших десятка с два зим, но всё ещё милых ей эмоций.

– Представляешь, они в школе вместе учились. Ну и получилось у них там что-то. Точнее, она даже, кажется, сразу после школы родила. В общем, он женился. А жизни нет. Она ж в бане работает. Там же, где и её отец. Когда мы с ним познакомились, она, правда, на кассу в самообслужку перешла. Но Лёня всё равно комплексовал. «Моя мама, – сказал он как-то, – мне рассказывала, что раньше, когда её родители молодыми были – а они из дворян, – не было варианта, чтобы ты познакомился с девушкой из другого сословия.

Только если не герой романа; в смысле, писателям очень эта тема нравилась: он – богатый, она – бедная. До минимума была сведена вероятность встречи, которая могла бы навредить обоим. Только внутри своего сословия, чтобы были общие задачи, не говоря уж об интересах, родстве душ и тому подобное, чтобы вперёд толкать, развивать для личной пользы и для пользы всего сословия колесо брака. Вот так. А у меня видишь какая глупость получилась: прокатилось по мне колесо». И Лёня начал всерьёз подумывать о разводе. «Я разведусь, – говорил он мне, – и мы поженимся. Буду твою Леночку воспитывать. Вот только зайца жалко. Но, может, она зайца отдаст. Как ты думаешь?» А я, честно го-

воря, ничего не думала. Потому что когда я влюбляюсь, то думать вообще перестаю. Вот вы так не делайте. Будьте другими, слышите! – на мгновение расстраивается она.

Вера ёрзает на стуле, энергично возит мышкой, а Ника встаёт отнести тарелку в мойку.

Но история не окончена, и Катя, отогнав материнское беспокойство, которое делает её сразу старой, занудной и неинтересной девочкам, продолжает:

– Он меня вроде и не очень добивался. Мы в театр пошли. Может, он хотел, чтобы всё благородно было и красиво, осмысленно и неминуемо вело к такой развязке, как развод из-за сильного, зрелого чувства. Ему уже двадцать восемь исполнилось. Друзья из академической среды. Их родители – академики, профессора, да и сами они уже доценты, как, впрочем, и Лёня. Он, может быть, хотел меня с ними познакомить, в свой круг ввести, потому что жену – не мог. Она, как он говорил, была вульгарна. Заматерела. Ведь ей уже тоже к тридцати, а это возраст для женщин критический. Хотя, с другой стороны, я была красивой, и мне отбоя от кавалеров в библиотеке-то не было. Он ревновал. Поэтому, может, мне только казалось, что он хотел меня в свой круг ввести…

– Но главная ошибка, – продолжает она через короткую паузу, – моя, конечно. Это то, что меня несло. Я очень спешила. Одна с ребёнком. Тоже рано-рано замуж вышла. Всё как-то не так, не по-человечески. Мне хотелось ещё раз построить. По-настоящему. По-взрослому. В общем, не выдер-

жали мы только встречаться по улицам и кинотеатрам. Сорвались. Сначала очень счастливо было, очень радостно. Я спускаюсь по лестнице в общий зал, а он мне навстречу идёт. Рубашка синяя под цвет глаз. Глаза синие – счастливые! Тут в ФИАНе объявили поездку за грибами. Мы записались – поехали. По болотам за подберёзовиками и клюквой ходим, ни на шаг друг от друга. На обратном пути – кто спит, кто поёт в автобусе – а мы не могли удержаться: в темноте целуемся. В общем, в ФИАНе, на работе, засветились. А у него шефом женщина была, заведующая их отделом, лет сорока. Подружка его. Он с нею секретничал. Такое бывает. Может, она в него и была влюблена. Не знаю. Наверное, советовать стала. Потому что он всё реже стал о разводе говорить. И, главное, чувствую, опять с женой что-то там, хотя вроде всё прекратилось, когда он ей сказал, что уходит. Может, и жена его соблазнила, вместе же живут. Но чувствую, после поездки этой стало всё меняться. И буквально через неделю начальница, которая подружка, ему поездку в Италию предлагает. Надо, говорит, начинать ездить за рубеж. Но с условием – и это он, дурак такой, мне всё рассказывает. «Ты, – говорит она ему, – партийный. Не можешь разводиться сейчас. Вот съездишь в Италию, потом решишь». Я смотрю на него и молчу. А он продолжает: «Я тебе сапоги привезу. У тебя какой размер?» А у меня сердце кривым ножом вынимают. «Тридцать седьмой», – говорю. И ни упрёков, ничего. Вот такая я дура была. Может, он ждал, чтобы я выступила. Что-

бы наехала на него. Может, ему детонатор нужен был, для ускорения. Но я его в душе уже отрезаю. Уже почти хороню.

– И правильно, – вдруг, продолжая смотреть в телевизор, спокойно отзывается Ника.

– Я сейчас вам расскажу, чем дело-то кончилось. Ужасно!

– Так и должно быть, – снова спокойно произносит Ника. – Должно быть возмездие.

– Утром едем на работу: он говорит что-то мне, а у меня – поминки. Он из троллейбуса вышел, к своей проходной идёт, а я к своей. И знаю, что это конец… Потом он поехал в Италию. Привёз мне сапоги. Красивые. Высокие, кожа мягкая. И вроде напрашивается в гости. Но я будто не понимаю. Для решительности с ним закончить другой роман закручиваю. Может, до него и дошло, что я с другим флиртую. Видимся только в фиановской библиотеке. Чувствую, страдает он. Но я летаю себе, порхаю с этажа не этаж по фондам. Один раз он мне позвонил и просит: «Очень встретиться надо. Очень. Можно я приеду?» Ладно, говорю, приезжай. Но себя-то я знаю: отрезала. Приехал он – радостный. Рассказов куча. Все о друзьях. А взгляд как у собаки: просительный и грустный. Начал «зайцем» меня называть «ушастым». Ласковый, сил нет. Но я не могу простить. Опять мне про развод. А я ему: «Ну ты же уже один раз разводился». И не даюсь ему: ни за ручку, ни обняться, ни поцеловаться. Хотя мы в квартире одни. И не от куртуазии. А просто скучно мне с ним. Неинтересно. И я просто из вежливости его слу-

шаю. «Ну, мне пора», – говорит и всё ещё надеется, – по глазам вижу. Но я непрактичная была. Он хороший был парень. Интеллигентный, воспитанный, кроткий. В ФИАНе вообще симпатичный был народ. Можно было, конечно, партию там нормальную составить. Но если бы у меня была другая стезя, другое предназначение. Я вот иногда думаю, что Господь мною мужиков проверял. Я – как лакмусовая бумажка. Вот будто кто-то чего-то там выступит перед Богом, а он их берёт и ко мне направляет. Сейчас, говорит, тебя проверим. Ну-ка покажи, на что ты способен, что ты за гусь такой. Себе покажи! Я-то про тебя всё знаю.

Перестали мы видеться. Я из ФИАНа ушла на другую работу. С вашим отцом познакомилась. И вот собираюсь в Тбилиси на смотрины. Он меня там ждёт, и я готовлюсь. А в ФИАНе заказы всегда можно было взять хорошие. И я звоню Лёне. «Здравствуй, – говорю, – так и так: еду к жениху, можешь колбаски сухой достать?» В городе-то ничего тогда не было. Может, и жестоко, но я не верила, что он меня помнит и любит. Он согласился. Встретились мы. Мягкий, как всегда, вежливый и терпеливый. Денег не берёт. Категорически. Счастья желает. Спрашивает о Леночке, хотя никогда её не видел. Я говорю, что Саша, жених мой, с ней ладит. Про «ушастого своего зайца» мне рассказывает. Что ему уже десять, вымахал почти с него ростом. Глаза грустные, но я ему не верю.

Потом ты у меня родилась, потом Марина, Сонечка. Отец

ваш в Штаты уехал. Строй развалился. Демократия так называемая наступила. Кризис. Есть нечего. Как-то надо зарабатывать. Вот я в метро раз иду, вижу: дядька аппаратики продаёт для измерения радиоактивного излучения. Говорит, хороший бизнес. И тут я вспоминаю о Лёне. Он же физик, думаю, может совет даст. Записываю параметры. И домой. Ищу телефон его в записной книжке. Ведь уже лет пять прошло. Нашла. Звоню. В трубке мужской голос слышу, но не его. Вот, думаю, переехал, наверное. Спрашиваю: «Лёню позовите, пожалуйста». А голос: «А он тут теперь не живет, девушка. Могу телефончик дать. Ларис! – кричит. А я знаю, что так Лёнину жену звали. – Слышь? Где телефон-то тваво бывшего? Тут ему девушка звонит. Надо ж мужика-то пристраивать. Правильно я говорю, девушка?» Я соглашаюсь, и он мне телефон даёт. Ты, представляешь, Ника. Бедный Лёнька! Он же так сына любил. А теперь в его доме сидит какой-то мужик, вроде Таниного Пенчо, и его «ушастого зайца» уму-разуму учит. Я себе это как представила, мне сразу поплохело. Вот, думаю, жизнь. Вот тогда она ему не дала уйти, а сейчас выкуклилась. Нашла по себе мерку. Мужлана. Животное. Помнишь? Или ты не помнишь? В общем, фильм такой был. «Экипаж» назывался. Там Филатов играл.

И второй, кажется, пилот этого экипажа – экшен, самолёт взорвался, но не в этом дело – чудесный мужчина, а жена его просто не выносит. Пока себе такую образину не нашла. Он приехал сына навестить, маленького, лет пяти, а этот новый

её мужик песни поёт в душе, моется, веселится, потом угощает, гостеприимно так, но всё равно топорно, простовато. Тупо как-то. А она вся светится. Вся так и горит. Всё его, этого борова самодовольного, нос картошкой, оглаживает. В общем, счастливая… Я не знаю, как так получается, но мне мужиков всегда жалко. Может, я в прошлой жизни мужчиной была, а, Ник?

– Может, – отвечает Ника, глядя в телевизор и отпивая кофе.

– В общем, звоню я на новый Лёнин телефон, – вздохнув о мужицкой тяжелой доле, продолжает Катя. – А трубку поднимает девушка. Приятный голос. Я прошу его к телефону. Она настораживается, говорит, что он спит, хотя время четыре-пять. Спрашивает, кто его спрашивает. Я говорю, я. Она совсем пугается. Видно, что-то слышала обо мне. Значит, всё же помнит он меня, думаю, а я сомневалась. Девушка просит подождать. И идёт будить Лёню. И напрасно, потому что, когда он трубку берёт, то «лыка совсем не вяжет», то есть абсолютно пьян. Я говорю, что позвоню завтра. И на другой день действительно звоню. Он опять пьян, но ещё, видимо, не накачался до бессознательного состояния. И говорим, в общем-то, говорим. Я спрашиваю, давно ли развёлся, потому что впечатление – будто вчера и заливает горе. Но оказывается – уже год назад. Всё понятно. Запил. Лёнька подался в алкоголики. Вот она, жизнь! Нет смысла сейчас про аппарат говорить, я обещаю позвонить на днях с услови-

ем, что он меня проконсультирует, но знаю, что не позвоню. Вешаю трубку. Знаю, что девушка с ним не справится. А я не хочу. У меня нет к нему интереса. Я, видно, очень сильно отрезала. Но жалею его! У меня в ФИАНе подруги остались: Галя и Лерочка. Вот они-то мне и сообщили года через два, что Лёня умер.

– Ужас какой, – вдруг отзывается Верочка.

Но Катя не успевает отреагировать на её замечание, потому что видит, что, пока она говорила, сверху из спальни спустилась Марина и ест оладушки, глядя на неё с участием. «И когда она спустилась? – думает Катя. – Я даже не заметила».

– Оххх, – только выдыхает она. – А насчёт банщиков. Продолжение есть. Я ещё одну историю вспомнила.

– А кто это – банщик? – неожиданно интересуется Ника.

– Как кто? – удивляется Катя тому, что вот уже по второму кругу её история про банщиков пошла, а Ника только сейчас спросила. – Это кто людей моет. В бане. Поняла теперь, кем его Лариса была? Все в институт, а она в баню.

– А! – отзывается Ника. – А я думала…

Но Катя, уже не слышит, что думала Ника, потому что воспоминания несут её дальше:

– Так вот! Моя тётя, помните, Нина, крёстная моя, красавицей была. Восточной такой красотой сияла. Откуда их бабушка таких родила… У них у всех троих: мамы, тёти Любы и тёти Нины – очень рот красивый был. Зубки небольшие и белые, и как бы слегка выдвинутым вперёд рядом, до пе-

рехода к резцам, идут. И очень красивая линия губ: чёткая и равномерная, и слегка в том же месте придержанная, а не сбегающая к углам резко, как обычно. Талия у неё, у тети Нины, тонкая-тонкая – как у болгарок. Ножки длинные, узкие. Вообще у неё кость узкая, не как у других. Глаза карие и с едва заметной косинкой. Миндалевидные. Она в дедушку была смуглая, и бабушка за это её не любила… Но вот по учёбе что-то они не очень-то все трое были. Или время такое: война. Может, недоедали. Мама, например, всё время на уроках засыпала. А, кстати, уже когда начали рентгеновские обследования поголовно делать, ей сказали, что в детстве она туберкулёз перенесла. Но никто не заметил. Все ж работали. А они одни дома сидели да по улицам бегали. Так вот, тётя Нина десять классов закончила, а в институт не пошла и стала чертёжницей. Работала в каком-то «ящике», то есть на закрытом предприятии, с оборонной промышленностью связанном. Где-то в конструкторском отделе. И влюбился в неё начальник этого отдела. Страшно влюбился. У него жена, ребёнок, а он, как лунатик, за ней по пятам ходит. Совсем человек доходит. Тётя Нина строгая была, бабушка её так воспитывала. Она, конечно, впечатлилась таким вниманием, может, ей даже льстило, потому что он был «движок» этого «ящика». В том смысле, что руководил всей научной работой. И она даже начала подумывать о его предложении выйти за него замуж. И даже он познакомился с моей бабушкой, то есть её мамой, которая тоже была польщена его обожанием

по отношении к дочери. Дело, видно, зашло далеко, потому что его жена в конце концов попросила тётю Нину о встрече. И тут тётя на всё это другими глазами посмотрела. Потому что жена страшно плакала, умоляя её оттолкнуть от себя её мужа. Она объясняла, что он сам не сможет – он не в себе. А у них ребёнок, мальчик. Как ему без отца! Тётя моя не знаю, тогда какой была… Говорят, человек каждые семь лет меняется. Я же её знала очень жалостливой, всех она любила, всем помогала. Но тогда, может, еще эгоизм молодости в ней был. Она не сразу от любви отказалась. Решила к цыганке пойти, погадать. Что цыганка скажет, то и будет. Где они в центре Москвы в те сталинские времена цыганку нашли – это другой вопрос. Но вот нашли. И цыганка ей напророчила. Говорит, если ты за него замуж выйдешь – будешь самой счастливой женщиной на свете, но в двадцать один год погибнешь в автомобильной катастрофе, а если нет, то скоро за другого выйдешь и будешь жить долго-долго, но вот с любовью будет тяжелей. Сама выбирай! Тёте тогда было девятнадцать. Конечно, она жизнь выбрала. А через несколько месяцев познакомилась в том же «ящике», но в другом отделе с дядей Колей. Поженились они. Андрей у них родился. Больше она не работала. Начальник же её бывший исчез. Убрали его или умер он, или погиб в той катастрофе, которую цыганка предсказывала – неизвестно. Они же в оборонке работали. Всё шито-крыто. Просто нет человека, и всё. Не работает больше. Вот, пожалуй, и вся история. Но!..

И все дочери уже смотрят на Катю и вытягивают головы вперёд, чтобы лучше слышать через шум телевизора.

– Дядя Коля очень красивый был. Породистой внешности. Лоб высокий, тонкий профиль, брюнет. Стройный. Красавец, да и только. И «голова»! Много лет ведущий специалист. Кандидат наук, доктор. Правда, в военной промышленности. Он танки конструировал. На работе его обожали. Всегда сдержанный, подтянутый, деликатный, он даже говорил с таким интересным дефектом буквы «ш», который снова-таки его утончённость и изысканность подчёркивал. Всё вроде хорошо. Но кто был его отец, спросите вы, какого он, дядя Коля, был происхождения? Так вот, отец его был… БАНЩИКОМ.

– Нет! – вскрикивает Марина.

– Да! – отвечает Катя. – И это имело последствия. Семейная жизнь тёти Нины была ужасна. Дядя Коля молчал. Придёт с работы – и к секретеру. Там у него всё идеально разложено. Карандашики наточены. Ластички-линеечки. Листики-записи. Он имел хобби – астрономию. Очень ею увлекался. И пишет, пишет. А ей что делать? Она целый день по хозяйству и с ребёнком, потом и ребёнок подрос, стал в сад ходить. А она дома сидит. Целый день свою двухкомнатную – по тем временам большой люкс! – квартирку чистит. Потому что дядя Коля на чистоте свихнулся. Он её гоняет, если где пылинку увидит. И, самое страшное, гоняет серьёзно… – Катя делает паузу, в которую каждая из слушательниц вкла-

дывает своё представление от том, что это значит – «гоняет серьёзно». И, удовлетворённая их повышенным вниманием, выпаливает, – Кроет её почём зря матом!

– КАК! – вскрикивает, ошалев от такой развязки, Ника.

– Так, – спокойно отвечает Катя. – У него ж отец – банщик! А он сам скрытый психопат. Знаете, я много лет назад читала учебник по малой психиатрии. Первый вывод – все мы психи. То есть нормы нет. Норма – это идеал, и придумана для того, чтобы было откуда отсчитывать отклонения. Точнее, есть психи – это совсем пропащие, и психопаты – это все остальные. Так вот, есть такое заболевание, не помню, как оно называется, когда человек резко меняется, перешагивая порог своего дома. Например, на работе он зверь. Агрессивный, въедливый и злобный, и всё под видом требовательности к работе и сотрудникам. А дома – душка: с детьми играет, жену балует. Ангел, да и только. А бывает наоборот. Как в случае с тётей Ниной…

Все молчат. Ника допила кофе и продолжает смотреть в телевизор. Марина ест блинчики, блуждая взглядом – Катя знает, что она очень впечатлена, Вера снова в компьютере, но видно, что только для вида.

– Ну вот, собственно и всё, – объявляет Катя. – Кончилась история. Про банщиков. А Лёня – хороший был человек. Жалко его. Мог бы ещё пожить!

И она встаёт и идёт положить себе гречки. Надо же чем-то подкрепиться после такого рассказа…

28 августа 2009 г.
Димчево

Книги, одеяло и всякое разное
Рассказ

А у меня от той жизни только одно одеяло и осталось. Монгольское, из верблюжьей шерсти. Их в Москву в конце восьмидесятых завезли. И с рук продавали. С деньгами тогда плоховато было, но посмотрела я на моих мал мала меньше, и одеяло решила купить. Говорят, оно какое-то исключительно ценное и все болезни оттягивает.

Вот оно сейчас передо мной на балконе висит – сушится. И я его впервые попробую рассмотреть. Фон светло-песочный, а по нему рисунок цвета варёной сгущенки. Очень богатый, насыщенный, из листьев и цветов. По углам листья расположены попарно ярусами, как бы образуя вазы. Первая пара с изогнутыми черенками опирается на дугу-качалку. Я думаю, качалка здесь для того выткана, чтобы сиюминутность кочевнической жизни подчеркнуть, её непостоянство. Если вдуматься, все мы кочевники. Кочуем себе во времени. Но есть те, которые и в пространстве. А вазы по четырём сторонам света – это монгольское Древо Жизни.

Возвращаюсь к ковру-самолёту, одеялу моему, которое несло меня через время.

Цветок, венчающий каждую из четырёх ваз – крупный, с

пятью лепестками. Это – мак! И листья определённо маковые. Боже мой! Это, должно быть, степной мак. В канве же по ширине цветы уже другие, с… раз-два-три… с четырьмя и девятью лепестками. Четвёрка – это моё число. А девятка – мистическая. Значит – к счастью. К мистическому счастью! Или к прозрению…

Все венчики и освещённые листья набиты в пропуск, как бы пунктиром по светлому фону, и издалека выглядят полупрозрачно, давая третий цвет – кофе с молоком. Да что я! Кофе, сгущёнка. Казахи-кочевники чай с кумысом пьют, жирным-прежирным. Может, и другие степняки, и монголы тоже на такие одеяла садятся для чаепития.

Вот откуда эта гамма: кумысовый фон, чайно-молочные, освещённые кое-где солнцем, листья степного мака. Нет, скорее это всё-таки пион венчает Вазу Жизни. Пион долголетия. На вазу с двух сторон смотрят повёрнутые к ней тройки, с двумя кружочками у верхней загогулины. Какие-то Всевидящие Тройки! А над их глазами – рога изобилия. Правда, небольшие, скорее рожки. За ними с тыла троек по длине одеяла – гирлянда из дужек, которые очень напоминают рёбрышки и косточки маленькой степной животинки. А может, и барашка. Маленького испечённого барашка!

Это в длину. А поперёк по канве не мак и не пион, а роза! Она увенчана маленькой изящной, в форме лилии, коронкой и снизу опирается на подставку.

Не выдержала, сняла одеяло с балкона и на дверь его пе-

ревесила. Чтобы целиком видеть. Пришлось дверь пошире открыть, стопки книжек раздвинуть. Отошла, села – и что? Да нет – как я думала – никакой центральной симметрии в розетке посередине. Просто полная свобода изъявления. И никакая это не «розетка», а огромный жучище. Сверху усики-рога, потом головка-цветок, как какая-то кокарда, бабочкой раскрывающая крылья. По бокам головы два трансформировавшихся из листьев глаза, как у стрекозы – во весь обхват.

Одеяло начинает сползать, и я его с другой стороны вешалкой с костюмом моего мужа прихватываю. И дальше смотрю… Центр одеяла орнаментом вообще игнорируется, только где-то поблизости от него вензель: две буквы С пересекаются спинками, и на их оттянутых ножках по шлемообразной шапке двух воинов Чингисхана повешено.

Надкрылья подпирают две лапки с крючкообразными выростами, а между ними торчит здоровенное брюшко. На нём уже не поддающийся никакой систематизации, самый смелый на всём узоре цветок с двумя глазами-точками, в шапочке тибетского монаха на голове, с ушками, щёчками, Т-образным лбом и ртом-подбородком – сплошная абстракция. А что творится по бокам цветочка и под ним! Вообще далеко не безобидный рисуночек.

По бокам щёчек и ушек цветочного монаха нечто, напоминающее эмбрионы: два изогнутых деформированных огурчика с завитком в области головы и торчащим посере-

дине отростком. Под это чудо подложен листик, ниже которого овальная недописанная буква Х. У неё отсутствует левая верхняя четверть. Может, это вопрос, обращённый к созерцателю: кто из этого эмбриончика вылупится – птица, рыба, пресмыкающееся или мистер икс какой-нибудь. А между этими эмбрионами, подпёртыми слегка неудавшимися «неизвестными», венец этой ковровой фантасмагории – Символ.

Да, это Символ. Никакого сомнения! Две фигурные скобки заключают две стилизованные сигмы, смотрящие друг на друга. Сигмы напоминают стоящие «на попа» рога овна с частью черепной коробки. Между сигмами – треугольник, небольшой такой, чтобы в глаза не набивался. Под треугольником – круг. Тоже аккуратненький.

Ну что сказать: неслабые одеяла нам из Монголии завезли.

И это я сегодня, спустя двадцать – господи, быть не может! – да, Лиза, да, двадцать лет прошло, как один день! – спустя двадцать лет, как купила, и всё – только сегодня увидела. И не было времени раньше рассмотреть. Что же я эти двадцать лет делала?

…Вчера я своё верблюжье ковровое одеяло достала и мужа им укрыла. Говорю, простуду твою оттянет, как рукой снимет. И тут только замечаю, что от той моей жизни в Рос-

сии только оно да книги – не все, конечно, а каким суждено было, – остались. И, заметив это, я сразу же один разговор вспоминаю: с последней оставшейся в живых от всей моей родни бабулей. Сестрой моего деда, Анастасией Филипповной. Она долго жила. Каждый день яйца ела. Говорят, в яйцах гормон долголетия. Так это или нет – не знаю. Но, когда с ней её племянница, тётка моя, съехалась, чтоб квартира не пропала, и бабе Насте яйца есть запретила, она и вправду быстро умерла.

А тот разговор мы с ней вели, когда она ещё счастливо в своей комнатке на улице Дружбы, около китайского посольства, проживала. В квартире с одной соседкой. Ссорились они, конечно, но и мирились. Баба Настя была одинокой: ни детей, ни мужей. Зашла я – и она, как всегда, бросилась омлет жарить, на стол накрывать. Я сижу – она мне ничего делать не даёт. Ты, говорит, в гости ко мне пришла, внученька, так сиди – отдыхай. Любила она меня. Шустрая такая, сухонькая. Ей тогда уже девяносто два исполнилось, но она абсолютно в своём, что называется, уме была.

Вот накрывает баба Настя на стол и достаёт тарелку, тёмно-синюю, небольшую и неглубокую. Блюдо-не блюдо – тарелка-не тарелка. В общем, тарелка. И говорит:

– Лиза! А ты знаешь, кто мне эту тарелку подарил? Тиша! – Улыбается и рукой меня легонько толкает от нахлынувших воспоминаний.

И я про Тихона, брата моей бабки Поли, вспомнила. Она

не раз мне о нём рассказывала. Он её старшим братом был. И имя ему это очень подходило. Тихий такой. Все его очень любили. Он в Первую мировую на фронт ушёл. Призвали его совсем молодым, ему ещё двадцати лет не было. Ждали его, ждали. Вот с войны мужики возвращаться стали. Один за другим. Сосед, с кем они призывались, тоже вернулся и к нашим идёт. «Мы, – говорит, – на кораблях по морю переправлялись. Сидим посадки дожидаемся. Ребята его за кипятком послали. И тут как раз посадку-то и объявили. Все сели. Пароход отчалил, а он по берегу с чайником бежит. Мы ему кричим, что, мол, не беги, сейчас другой подадут: с ним докатишь – там встретимся. Вот плывём себе, плывем.

Не мы одни. Целый караван пароходов с людьми, лошадьми, техникой – передислокация в чистом виде. И откуда ни возьмись аэропланы. Бомбы кидают. Вот наш пароход уцелел. А вашего Тихона потопили, мать их германскую!»

…Баба Настя тарелку гладит, не налюбуется:

– Он перед тем как на войну уйти, мне её подарил. Очень хороший был парень. Красивый.

И моя бабка Поля тоже так говорила:

– Я его очень любила. Больше всех. Он нам, младшим, всегда конфет покупал. Ласковый такой. Мы все его очень любили. А я – особенно.

Не знаю, теперь, глядя на бабу Настю, кто его больше любил.

– Эх! – с сердцем восклицает она. – Я тебе сейчас песню

спою.

И поёт мне «Летять утки и два гуся» полностью, до конца. А не как в пьяном застолье – никто конца не знает. И так душевно поёт. Так пронзительно. О безвозвратной потере. Так только о прошедшей молодости поётся. Глядится в тарелку и поёт.

– Видишь, а тарелка до сих пор жива, – заключает она, допев до конца.

– Это ж ей уже больше семидесяти, баб Насть, – говорю я.

– Да, пожалуй, – соглашается она со мною.

– Я вот думаю, – подхватываю, – у посуды – и то своя судьба. Вот чашки купишь: одну на следующий же день разобьешь, а другая десятки лет живёт. Что про людей-то говорить! У всех своя судьба. Как у Тихона!

– Да, Лизонька, правда. Как у Тиши нашего. Давай омлет есть! – переключается баба Настя. Она долго не грустит. Потому и до таких лет дожила. Правильно к жизни относится. Диалектично.

А я вижу бабку мою Полю и слышу, как сквозь горькие слёзы, рассказывая мне в который раз о нелепой участи Тиши, она причитает:

– Царство ему небесное, место ему покойное, рай его душе растворённой!

…Эту историю я, глядя на свое монгольское одеяло, и сегодня вспомнила. Это ж надо.

Какая судьба! Как оно зацепилось-то за меня! За двенадцать лет моей эмиграции с переездами из Москвы в Прагу, из Праги сюда, ничего не осталось. Всю утварь домашнюю попродавали, пораздавали. Из одежды, которую я упорно «тряпками» называю, дети выросли. Да и не люблю я собирать-складывать и, как мама, от всего избавляюсь. Она всё говорила: «Тряпки, Лиза, размножаются!»

И вот на фоне такого отрицания вещизма это довольно-таки тяжёлое одеяло пропутешествовало со мной во времени и в пространстве таким образом, что я даже его не заметила, в том смысле, что ни разу не покусилась избавиться от него, а обратно, на себе во вьетнамских сумках – и не тяжело, значит, было: своя ноша не тянет! – сюда дотащила. Но что самое интересное: я его почти не использовала. Помнится, только одно время на пол в Чехии клала и сверху то ли Яну, то ли Александру – вот не помню уже кого – с игрушками сажала. Все эти годы оно по кладовкам сегодняшнего дня дожидалось. И дождалось.

Я ему целый день посвятила. В благодарность за то, как оно меня прошлую ночь укрывало. Потому-то вчера я его мужу своему приболевшему предложила. А той, прошлой ночью, я от этого же самого мужа им отгородилась. Он приболел, простудился, а я думаю: «Чем бы мне от него прикрыться, чтобы на меня инфекция не перекинулась!» Оглянулась – одеяло лежит, верблюжье. Как оно из кладовки в дом перекочевало? Наверное, думаю, из девчонок кто-то за-

горал на дворе и одеяльце-то и подложил. Точно, вспомнила: это Мария, дочь моя средняя, третья по счёту, на столе загорала, ну и для мягкости, видно, его подложила.

Укрылась я им и, скажу вам, впервые в жизни такую благодать испытала. У меня вообще пунктик есть: я с утра до ночи постели сушу. По балкону одеяла развешиваю, а подушки на гамаке раскладываю. Очень я запах свежести от просушки такой люблю. Ложусь, глаза закрываю и запахом, отдалённо баню русскую напоминающим, пока не засну, наслаждаюсь.

Так вот укрылась я одеялом монгольским, а перед тем как свои ощущения вам передам, расскажу одну историю о том, как я книжки с одеялом этим из России везла…

Вообще эпопея моего переселения в Европу началась с одной незабываемой поездки в Прагу по совету моих друзей накануне нового, 1994 года.

– Лиза, ты б в Прагу съездила. Там люстры продаются, стекло всякое, – говорит моя подруга – архитектор Валя Снегина. – Там купишь, тут продашь. Вот тебе и деньги. Вон сколько народу так ездят. Хорошо, говорят, зарабатывают. А остановишься у пани Ноны. Я тебе адрес дам. Там всегда наши художники останавливаются.

И я соглашаюсь. Потому что прожить на заработок учительницы, да ещё в православной гимназии, просто невозможно. Я и так свою квартиру в Крылатском сдаю, а сама

с детьми в квартире приятелей, эмигрировавших в Штаты, бесплатно проживаю. Муж мой, бывший теперь, – невозвращенец, там же, где-то в Калифорнии, пиццу развозит. А я тут. Дети в школу пошли. Старшая дочь с семьёй тоже со мной. В двухкомнатной этой малогабаритке в Ясенево. Союз благополучно развалили. Демократия наступила, и надо как-то спасаться. Не все выдерживают. Году в 92-м одна многодетная в каком-то северном, кажется, городе с тремя детьми из окна выбросилась. Сначала их, потом – сама. А мне в 89-м, когда я четвёртую дочь родила, по пять рублей каждый месяц давать стали. Пособие на детей…

Ну, хватит грустить! Буду дальше рассказывать. Моя новая приятельница – бывшая невестка бывшего посла в Чехословакии – тоже эту идею поддержала. Давай, говорит, вези. А я тут продам по знакомым.

Назанимала я денег. Оделась поприличнее. Визу мне Снегина помогла сделать. И поехала. Адрес по описанию быстро нашла. А пани Нона оказалась бывшей нашей соотечественницей – из Ленинграда во время блокады по Ладоге вывезенная. Вот только как она в Чехословакии оказалась, я не очень поняла. Так выходило, что сразу за блокадой пражская жизнь началась. А где она на переводчика выучилась и как с мужем-чехом познакомилась, из её рассказа тоже непонятно было.

Весь свой небольшой трёхэтажный домик и бунгало в саду пани Нона сдавала художникам. И в большой строгости

их держала. У неё была страсть – кошки. Их насчитывалось в общей сложности с вечно страдающими от рахита котятами около десятка. Им были предоставлены места общего пользования: коридоры, кухня, лестничные площадки. И только один огромный чёрный кот Барон был на особом положении. Он жил в покоях пани Ноны, и только его она кормила сырым фаршем и баловала рыбкой. Остальная кошачья братья постилась сухим кормом. Пани Нона обильно посыпала свою речь междометием «но!», означающим сокращение от «ано!», что значит «да»! Она очень полюбила меня. На удивление всем постояльцам, которых мучила режимом тёплой воды, электричества, пользования плитой и вообще присутствия в доме. Только отдельным лицам разрешалось находиться в продолжение дня, и то в подвале, рисуя, одевшись потеплее, акварели с видом Праги. Маслом пользоваться ввиду аллергии у кошек строго воспрещалось.

Пани Нона полюбила меня по двум причинам, о которых знали только мы с ней. Во-первых, у меня вообще есть такая способность: я умею слушать. Так случилось, что в первый же день моего пребывания у пани Ноны я случайно эту способность продемонстрировала. Вернувшись после заселения с прогулки, я терпеливо слушаю вот уже третий час её пространные рассказы о самочувствии рахитичных котят, ожидая, когда пани Нона всё же отпустит меня, дав ключ от моей комнаты на втором этаже. Но оказалось, что пани Нона вовсе меня не держит и, наконец, не выдержав моего вни-

мания, она обращается ко мне со свойственной ей прямолинейностью:

– А ты что всё сидишь, всё слушаешь. Ты наверх – но! – пойти не хочешь?

…Я вчера дописать не успела. Муж пришёл – сказал, спать пора. И поэтому я сегодня прямо с утра за компьютер. Он в город, а я на лаптоп. Кстати, мне вчера кто-то обои на десктопе поменял. Наверное, младшая дочь. Синий фон; на нём вершина горы заснеженная и вот такая лунища! Уютно так, там – наверху. Очень хорошая картинка… Я даже зарядку не сделала. Вот попишу часа три и тогда сделаю. Сижу на кровати, своим одеялом укрылась. Я им сегодня мужа опять укрывала. Но чего-то он не в духе встал. По-моему, у него горло болеть начало. Может, я с моими описаниями магию монгольскую разрушаю…

Так, на чем это я остановилась. Да, на Ноне.

– Ты что, – говорит, – всё сидишь-то тут. Ты бы – но! – наверх пошла. Отдохнула бы. Я тебе там всё, но, приготовила.

А я ей:

– Хорошо, – говорю, – только ключ дайте, пожалуйста, пани Нона.

А она мне:

– Так он же там, но! – в двери!

Интересно, что у неё такой тик с этим «но» был и имя тоже на этот слог начиналось. Мне кажется, это у неё послед-

ствия блокады, когда она уже спокойно жить стала, в этом тике проявились.

Однако, даже не выдержав моего внимания, пани Нона осталась довольна тем, что я разделила её любовь к кошкам.

Вторая причина, по которой пани Нона меня полюбила, была связана с моей терпимостью к холодной воде. Встала я на другое утро, пошла в ванную, душ включила, а оттуда вода чуть тёплая, даже скорее холодная течёт. За окном декабрь, снежок реденький падает. Но ванная у пани Ноны просторная (не как у меня в Ясенево), с двумя входами и мыло – кокосовое. Я тогда впервые такое мыло увидела или унюхала, не знаю, как лучше выразиться. Познакомилась с таким мылом. Большое впечатление оно на меня своим ароматом произвело. Потом запах приелся. Его производители стали использовать всюду – в свечках, в ароматизаторах, в печеньях. Но вот это первое впечатление так и осталось во мне. Праздничное впечатление. Кроме того, я дома каждый день холодной водой обливаюсь. Приду с работы, выжатая своими первоклассниками как лимон. Почему так говорят? Давно уж в Москве сок и из грейпфрутов выжимают, не говоря об апельсинах. Лучше я так выражусь: приду с работы, как цитрусовое, своими детками-конфетками выжатая, и под душ. Водой спасаюсь. Чищу-чищу ауру. Потом упаду на кровать. Час лежу как мёртвая. Дети, мои уже дети – Нина, Маруся и Анечка – вокруг меня ходят: «Мам, – говорят, – можно мы яблочко из холодильника у Вани возьмём?» Ваня – это

мой зять. Я говорю, не открывая глаз: «Возьмите, я потом верну». Ещё немного полежу – и ничего, отходить начинаю, в смысле в себя приходить. Это там, в Москве, у меня жизнь такая. А тут Прага к Ваноце готовится. Так у чехов Рождество называется. В ночь на 25 декабря. Они же католики.

Празднично. Люди идут не спеша, потому что вышли не по делам, а для удовольствия – рождественские подарки покупать. И их предвкушение тепла семейных застолий щедро разлито по городу: по витринам, украшенным снежком и перевитыми красными лентами елочными гирляндами и венками, по нарядным ёлочкам на маленьких городских площадях, где продают соломенные традиционные игрушки – всякого рода шары, вифлеемские звёзды и спирали, по подсветкам соборов и памятников. Их настроение запечаталось в запахах: ванили, кардамона, мандаринов и… кокосовых стружек.

В двух словах: моюсь себе холодной водой. И мыло нюхаю. Взбодрилась. Потом, уже одетая, а я тогда костюмчик такой трикотажный красный носила – хороший цвет, насыщенный, как мак пламенеющий, и сапоги итальянские красивые, высокие, из мягкой кожи мне приятель из Италии привёз – подарил. Так вот, оделась, вниз спускаюсь – чайку попить. А пани Нона спрашивает:

– Я слышала, но!.. ты мылась. Это правда?

– Да, – говорю, – душ приняла. А что, я что-то не так сделала?

– Нет! Ты всё, но!.. всё так сделала, Лиза! – смотрит на меня с чувством пани Нона. – Я тоже, но!.. холодной водой моюсь. И всем этим молодым людям, но!.. из России говорю, что воду надо любить – холодную! И мужу своему Вацлаву, и двум сыновья, но!.. так говорила. А они мне будут, но!.. говорить: включите воду! Но! Ты, Лиза, умница! Вот, что значит, но!.. русские женщины! Вот с кого, но!.. нужно пример брать!

И смотрит на меня радостно.

…Вообще я её часто вспоминаю. Яркая такая тётя, характерная, была. И художники, несмотря на её строгости, к ней продолжали ездить. У неё комнаты никогда не пустовали. Потому что она на самом деле распоясываться не давала и они, живя у неё, рисовали и почти не пили.

…В Праге я стеклянные шары купила, пирамидки и сувениры из стекла – тогда, кажется, год Собаки ожидался, – и такие маленькие стеклянные конфетки да два набора хрустальных фужеров. Потом в Яблонец съездила. Языка не знаю, чехи на русских уже по-другому смотрят, другая эпоха, снова к своим доморощенным эксплуататорам-германцам возвращаются. Реституция объявлена – это значит возвращение земель и замков. Одни немецкие фамилии, «фоны да бароны». Но мне ввиду моей молодости и кроткой вежливости всё прощают. Я пытаюсь спрашивать по-чешски, и почти всегда мне правильно объясняют, как пройти. В автобусе до Яблон-

ца сижу рядом с бойким парнем, который откровенно набивается на свидание. Возбуждённо объясняет мне, что работает в школе. Я радуюсь, говорю, что тоже учительница. Но он смеётся: оказывается, он на «Шкоде» работает, на заводе, где машины делают. А я не поняла. На площади в Яблонеце встречаю супружескую пару пожилых чехов. Спрашиваю, как пройти к заводскому магазину. Они очень радуются, что встретили русскую. Готовы просто расцеловать меня. Я такого отношения, с которым, может, только узники концлагерей «русских оккупантов», как нас теперь в Европе величают, встречали – никогда и нигде больше в Чехии не видела. Но по прошествии стольких лет и с расстояния, на котором легче видится большое, сегодня понимаю, что чехов я люблю. Они мне детей спасли, когда я уже совсем к ним переселилась, пособие мне на детей давали. Жалели меня. Это главное. Просто они другие. Поэтому их русские поэтессы, как Марина Цветаева, своею любовью к чтению среди гор грязной посуды всегда дразнили. Они просто чистоту любят. И порядок. У них окна такие чистые. А мне всё помыть некогда – что в Чехии, что здесь. У них культ жилища. Очень красиво в интерьере быть должно. И садик около дома всегда-всегда поддержан – и с цветами. Может, они это не сами придумали, у немцев подсмотрели. Ну и что. Какая разница. Главное, научились, исправились. Если было, что исправлять.

В Яблонеце я бижутерию купила. Очень красивую. И

люстру.

Последний рождественский вечер в Праге провели мы с моей новой знакомой. Когда я в Прагу ехала, она моей попутчицей оказалась. Русская наполовину. Отец-еврей во Вторую мировую погиб, а мать – академик. Она оказалась очень общительной дамой. Слегка в возрасте, так скажем, потому что выглядела замечательно. Всю свою сознательную жизнь прожила в Чехословакии. Её муж занимал высокий пост и очень хорошо зарабатывал, и Мила, так звали мою попутчицу, не работала. Он умер два года назад. Оставил ей состояние. Едем мы с ней, о жизни разговариваем. Чуть позже к нам дядька подсел, белорус. Как-то задушевно у них с Милой разговор пошёл. Потом он в Минске сошёл, а на прощанье ей нож подарил, складной. «Я его очень люблю, – сказал он ей. – Он мне для рыбалки. Но вы мне так понравились. Я его вам дарю. Будете меня там в Праге вспоминать». Вышел он, а Мила на меня растроганно посмотрела. Она правда хранила потом этот нож.

Её этим ножом из ковра потом доставали. Я хочу сказать, разрезали скотч, которым её грабители поверх ковра обмотали. Это случилось в результате её страсти к знакомству в поездах. Хотя я подозреваю, что у всех русских эта страсть в той или иной степени развита. Может, это наследство от наших монгольских пращуров-кочевников. Живёшь себе в степи с баранами, молчишь-молчишь. А потом попутчика встретишь, на грудь ему, как человеку, упадёшь, а он к тебе

прислонится – и путь такой сразу осмысленный становится, а не то что: родился-помотался-умер, а никто даже не заметил, что ты здесь своих овец пас. Ей же, степи, всё одно. Она ж бескрайняя.

Так вот, один раз Мила в поезде с одной русской женщиной лет тридцати пяти познакомилась. Та ей говорила, что она дочка одного «авторитета» и её отец уже безвылазно в тюрьме сидит. Мила об этом всём своим подругам пражским рассказала. И все они резонно ей заметили, что не надо с этой женщиной сближаться. И я тоже заметила, что лицо у неё очень гадкое. Подбородок мясистый, мужской и с глубокой ямкой, прямо-таки развалом, посередине. И взгляд жестокий. Очень алчно она ела. Руками и чавкая. Но Мила её жалела. Думала, что та исправилась. По квартире её водила. Свои украшения показывала. Потому что та любила одеваться и драгоценности носить. Потом, не помню, как её звали, кажется, Тоня?.. Потом она, эта Тоня, уехала – деньги кончились, и она вернулась в русскую глубинку. Мила к тому времени уже знала, что Тоня была наводчицей на один грабёж в Праге. В семье, с которой Мила её познакомила. И Мила, и все её подружки-пенсионерки, очень тогда всполошились – сопоставляли факты, анализировали и пришли к общему заключению, что грабителей на тех пражан-эмигрантов, русских коллекционеров, Тоня навела. Но и это Милу не испугало. Она всё Тоне помогала. Контейнер ей заказывала, проводы устроила. А через месяц-другой почтальон квитанцию

принёс, Мила открыла, а он ей тряпкой с эфиром лицо прижал и в ковёр замотал. А потом фото внука её единственного вверх тормашками повернул, чтоб боялась. Она и молчала, когда её полиция допрашивала. Так ничего о Тоне и не рассказала. И подружкам говорить запретила. Ограбили её конечно тотально. Украшения, а она их все в доме держала, кольцо одно уникальное старинное, звезду бриллиантовую из гардероба с платья сняли, которую она только Тоне, где висит, и показывала. Но, с другой стороны, хорошо, что хоть сама жива осталась…

…А тогда, в канун девяносто четвёртого, мы о таком её будущем даже и подумать не могли, и о моём тоже, что «хрен редьки не слаще». Тоже мне хлебнуть пришлось. Тогда мы с лёгкостью общались, и она меня в гости пригласила. И вот в последний день я решила к ней заехать. Прошлась опять по старому городу. Всюду бочки огромные с живыми карпами стоят. Их раз в году продают к рождественскому ужину. Приехала к Миле. Она в очень хорошем доме живёт. Пол с подогревом. Квартира просторная. У неё приятель сидит. Русский. Москвич. Тоже на праздники в Чехию приехал. Сразу за мной ухаживать начал. Узнал, что я уезжаю вечерним поездом, и заволновался. «Давайте, – говорит в другом направлении поедем. – В поезде с коврами и пальмами в кадках. Знаете, – спрашивает, – такое направление, такой город, в который такие поезда ходят? – И на мое наивное „нет“ с растяжкой сообщает, – Этот город… называется… Париж».

Я догадываюсь, почему он меня туда зовёт. Мне не раз говорили, что я на француженку смахиваю. Но не только потому, что французский люблю и всю жизнь его учу – никак не выучу. А потому что я держусь творчески. И вообще я – творческая натура. Что тут дальше говорить. Этот дядька меня и на вокзал повёз. А багаж я там в камере хранения заранее сосредоточила: две сумки вьетнамские и коробку с люстрой. По дороге мы на набережную Влтавы, под мост въехали. И вышли из машины лебедей покормить. Я потом в поезде по этому поводу стихотворение написала.

У вокзала я с ним распрощалась. Не хотела, чтобы он мои вьетнамские сумки видел. Потому что вид у меня европейский. Я ещё себе меховое укороченное пальто с воротником из ламы и лайковые перчатки под цвет сапог в дополнение к уже описанному выше красному туалету в Праге купила. Ну, думаю, проскочу по вокзалу с этими сумками до поезда, а там Москва. Там всем наплевать, кто как и с чем идёт. Там – Азия. Взяла сумки, по вокзалу бегу. А времени в обрез – засиделась я у Милы. Смотрю информацию. Не могу свой поезд найти. Должно быть написано: «Прага – Москва». А там какой-то в то же время и через десять минут трогается, обозначен как «Богемия – Брест». Мотаюсь я, как муха без головы, в следующий зал перехожу. Опять на табло смотрю: Богемия уже к Бресту тронулась, а на Москву только один поезд остался – через Черновцы, другими словами через Украину, которым я ехать, ещё когда билеты в Москве

брала, отказалась, ясно почему: левой рукой правое ухо кто чешет? И он через пятнадцать минут отправляется. Что делать! Других поездов нет. Бегу к нему. А времени пять минут осталось, пока я добежала до перрона. Бросаюсь в первый же к выходу на платформу ближайший вагон. Там чех-проводник большой такой, как Дед Мороз, я ему наполовину по-русски, наполовину по-французски, уже прямо плачу объясняю, что не могу поезд найти – билет сую. А он мне на чешско-русском говорит, что мой поезд Богемией назывался и он только что в Брест ушел. Умоляю я его взять меня. Говорю, что доплачу за билет. Он смотрит. Спрашивает, русская ли. Говорю, что полу-. Что бабка во Франции живёт. Прямо на ходу сочиняю, чтобы он меня взял и, главное, от ужаса быть оставленной по-русски с ним с акцентом разговариваю. Парижским, конечно. Посмотрел он на меня ещё раз повнимательнее и согласился взять. Я прямо на седьмое небо подскочила. Он меня в первое купе отвёл. Вагон для иностранцев. СВ. Я одна еду. Вот через час он приходит с вешалкой в руках. И дверь на запор закрывает. Всё у меня внутри оборвалось. Но он ничего такого, что вы подумали и я тоже, а просто показывает мне, как нужно вешалку за цепь забить, чтобы бандиты открыть дверь не смогли. И я не удивляюсь, потому что слышала, что поезда на Украине грабят. Вот ночь настаёт. Я инструкцию исполняю. Сама на верхнюю полку ложусь, а их в СВ всего две. И жду. Когда бандиты придут. Кемарю, но держусь. И вдруг проваливаюсь, чувствую, что

в сон, но ничего поделать не могу. Как упоённая. Лечу себе всё вниз и вниз. И вдруг в какой-то безнадёжно бессознательный момент вижу дым и слышу голос моей незабвенной бабки Поли, спокойный такой, но строгий: «Лиза!» И в тот же миг глаза открываю и вижу, что вешалка на полу, а дверь открыта и только на цепочке держится. И снаружи цепочку дергают. Я не помню как, но уже перед дверью оказалась и её захлопнула. Запор повернула и ручку держу. А с той стороны русский мат и запор обратно поворачивают и на ручку нажимают. Я всем телом на ручке вишу и строго изнутри кричу на французском. Оставьте, мол, ваши глупости. Прекратите ломиться.

Они испугались, что я весь вагон на ноги подниму, и дальше пошли. Наутро оказалось, что двух канадцев ограбили. А днём я бандитов в тамбуре встретила. Стою у туалета. Вдруг два шибздика идут. Один другому по-русски говорит, не стесняясь, знает, что я не разберу – они же иностранцев грабили: «Эта, што ль, ночью-то орала, курва французская?» И дальше пошли.

…С продажей товара у меня как-то не получилось. Оказалось, что все хотят покупать по тем же ценам, которые я платила. В общем, что подарила, что продала. Еле деньги вернула. На этом мой бизнес и кончился.

…А через два года я в Чехию жить переехала. И спустя некоторое время поехала в Москву к маме повидаться. Возвращаюсь с книгами. Я ещё когда переселялась, много книг в

доме, где мы жили, в библиотеку на первом этаже отнесла. Я книги собирала, а девчонки носили. Сказали, библиотекарша очень благодарила. Книги – хорошие. Но всё же самые любимые я оставила. У мамы. А теперь их решила частично перевезти. Набрала сумок пять и одеяло взяла, вот это самое – верблюжье. Провожали меня друзья. Вошли мы в купе, под моё нижнее сидение книг набили, и на полку над дверью тоже сумки втиснули. Вдруг женщина с мужчиной приходят. Я говорю, что это купе для женщин. А они даже слушать не хотят. Вижу – восточные люди. Мои ушли. Я злюсь. Говорю, как вам билет продали, но вижу, что спорить бесполезно. Продали, и даже очень. И не им одним, а и другим их родственникам в соседнем купе. И в следующем тоже. Женщина меня успокаивает. Она симпатичная и интеллигентная. Выясняется, что врач по профессии. А мужчина – её сын. Челночники, конечно, но что делать – жить как-то надо. И через час мы уже вполне подружились. Они мне о своей жизни рассказывают. Я им о своей. Из других купе женщины приходят на меня посмотреть. Мать многодетную, что в Чехии одна с детьми живёт и сейчас с книгами туда с родины едет. Они не всё понимают, потому что у них жизнь другая: богемский хрусталь купят, забьют им три купе до потолка, и на границе откуп таможенникам дадут – большой, конечно, но стоит. Потом от Москвы в Махачкалу. У них там магазины. Хрусталь кавказцы на свадьбы дарят. На другие праздники тоже, но особенно – на свадьбы.

Едем себе. Вроде всё хорошо. Спать легли. Следующий день наступил. Я им историю свою рождественскую рассказала. Но это на Украине было, а здесь мы уже границу в Бресте пересекли. Последняя ночь по Словакии. Теперь замки модернизированные, но мы всё же закрываемся – вешалкой, на всякий случай. Заболтались допоздна. Только легли, проводница стучит. Мои попутчики встрепенулись, а я повернулась на другой бок и сплю дальше. Их же вызывают. Что-то там надо спросить. Перекинулись они между собой на своём языке парой фраз, и он осторожно, чувствую, дверь открывает. И вдруг дверь с той стороны как дёрнут! У меня сна как не бывало, женщина кричит, а её сын вместе с дверью в коридор по инерции вылетает. Шум, ругань. Она тоже за дверью исчезает. Я вообще ничего понять не успеваю, и они уже один за другим обратно влетают, дверь захлопывают, лестницу приставную сверху на ручку вешают и на лестнице вместе висят. Из обрывков их фраз, что на русском, и по интонации понимаю, что был налёт. И действительно, через час, когда паспортный контроль прошёл и они, собравшись у нас с другими родственниками, стали делиться впечатлениями, я узнала, что именно наши три купе пытались ограбить. Они же в Чехию с деньгами едут, за товаром. Вот их и поджидают. И проводница тоже замешана, хотя потом прикинулась заложницей. Потом – это после того как у сына моей попутчицы в руке нож оказался и он им одного из бандитов, которые успели его до тамбура дотащить, этим ножом резанул…

На границе с Чехией меня по случаю 23 февраля, вот сейчас вспомнила, что праздник был, штрафанули за перегруз. Только 20 килограмм на человека разрешалось багажом везти. И хотя мои попутчики на себя мои книги взяли, им, конечно, не поверили и штраф наложили, но всё же не такой большой.

…Я ещё раз уцелела. Третий. Бог троицу любит. Несколько лет прошло моей жизни в Чехии. Трудно с деньгами стало. И меня художники надоумили машину на себя оформить, из тех, которые перегоняли, потом её в Москве растаможить и деньги за эту «услугу» получить – шестьсот долларов. Я, подумала-подумала и согласилась. Пошла в какую-то фирму чешскую. Там шеф красивый такой, породистый мужик был. Он этот бизнес крутил. Он ещё лошадей любил, судя по развешанным фотографиям, и женщин, глядя на его реакцию на меня. Я тогда впервые подумала, что я всё за каких-то убогих, невзрачных мужчин цеплялась. Красивых, видных я почему-то вообще не воспринимала. Надо было замуж за такого вот импозантного, спортивного вида мужчину выйти. Правда, дети всё равно красивые получились – дети любви. Я ж только по любви любила. И что я всё скромничала, своей красоты стеснялась: вроде как недостатка какого-то? Всё стыдилась, когда мне о внешности говорили. А когда влюблялась, мужчин своей заботой и предупредительностью дурацкой прямо-таки наповал с толку сбивала. Прямо всем

своим материнством на них, бедных, наваливалась. Ну да ладно, чего уж теперь говорить. Теперь дочерей учить на своих ошибках надо. Да вот только на чужих ошибках мало кто учится, всё на своих. Но, может им больше повезёт.

…Съездила я в Москву. Точнее, слетала. Вернулась. В аэропорту на автобус опоздала – из-под носа ушёл. Целый час следующего ждать. Сижу на остановке – радуюсь, что всё хорошо прошло. Без эксцессов и деньги заработала. Пришёл автобус. Доехала я на нём до Смиховского вокзала. С него поездочки, маленькие такие, чистенькие, в моём направлении к Бероуну ходят. Жду поезда, по вокзалу слоняюсь. Есть захотела и зашла в привокзальный магазинчик. Не помню, что купила перекусить. Стою там же, ем. И вдруг ко мне женщина подходит, между прочим, вот только сейчас дошло, очень на Милкину Тоню-бандитку похожа была. Но я тогда ещё Тоню не знала. Она ещё тогда не появилась. А эта говорит на каком-то странном чешском, но потом выясняется, что это польский.

Я тут прямо сразу расцвела. Свою сокурсницу Стасю вспомнила. Мы с ней досрочно институт заканчивали: она в Польшу возвращалась, там тогда «Солидарность» оформилась, а я на БАМ с первым мужем собралась. Стася работала в школе при посольстве учителем физкультуры. Ей было за тридцать. Но она решила математический факультет закончить, пока муж в Москве в торгпредстве работал. У неё двое детей, и она нас всех любит и опекает. Кексы, печенья

домашние носит. И если кто перестаёт посещать занятия, а мы на вечернем учились, звонит, справляется, убеждает, что надо обязательно высшее образование получить. Вот почему я так обрадовалась…

Тётя, на Тоню похожая, как-то там представилась и брата своего подозвала. Рассказала, что учительницей в начальной школе работает. Я тогда совсем к ней расположилась и про Стасю ей рассказывать начала. Вышли мы из здания вокзала и в буфет с другой стороны завернули. Они меня начали угощать. Водкой. А а не пью. Так, только пригубила. Мой поезд ушёл. Следующий через полчаса. Разговоры. Приятельство. Наконец, я уж, кажется, всё им рассказала. Пора ехать. Они меня готовы от удовольствия прямо до моей станции провожать. Идём на перрон. А там киоск – кофе продают. Мне и от той пригубленной водки что-то не очень. А может, от дыма в буфете. Но голова чего-то кружится. Наверное, давление упало, говорят мои приятели, и брат быстренько за кофе к киоску сбегал. Выпила я кофе…

И очнулась в больнице под капельницей. Лицо разбитое. Денег нет. Полицейские пришли. Рассказали, что нашли меня на Главном вокзале. Очень я сопротивлялась, когда меня с перрона поднимали, а в поезде, который меня со Смиховского привёз, сумку мою нашли. Ничего не тронуто. Только денег нет. Я потом вещи просматривала и пособие для первого класса нашла – буквы латинские на верёвочке. Не мои, я уже давно в школе не работаю.

…Я сейчас одеяло взяла и снова на дверь повесила. На другую сторону его перевернула. Хочу разницу ощутить.

Та-аак, что я тут вижу? Листья светлые, цветы тёмные. Тут точно пионы. Фон тоже тёмный. Чай с молоком. По-другому смотрится моё ковровое одеяло, но опять гармонично. Мастерица его ткала, набивала. Ну а с жуком что? Он опять жуком выглядит, хотя я случайно ковёр снизу вверх перевернула. И даже более по-жучьи пропорциональнее стал. Голова поменьше, и брюшко торчащее исчезло. Его надкрылья полностью прикрыли. Ножек-закорючек добавилось: внизу крендельками подвёрнутыми ещё пара торчит, и по бокам нижней части брюшка – голени другой пары виднеются. Теперь на надкрыльях две розы. Да, вот сейчас это розы! В области верхних лапок.

Но голова! Вот этого я не ожидала. Морда на голове – вот вам и цветочек. Никакой не пион-мак-роза. А морда. Лоб шапочкой, два глаза, нос с усами, бородка, щёки, бакенбарды и уши. В целом на обезьяну похожа. Очень умную обезьяну. Два эмбриона, теперь уже не эмбриона, а перевернувшись, скорее напоминают огромные дополнительные уши черепаховой обезьяны. А на голове у неё – всё тот же Священный Символ: кружок точкой, под ним треугольник сегментом, две сигмы и фигурные скобки, за каждой из которых по букве У.

Я думаю, после всего, что я вспомнила, отвечая на свой вопрос, что я эти двадцать лет делала, что этот символ –

Охранный.

Вот почему мне так хорошо лежать под этим одеялом. Я под ним от всех невзгод и сегодня спасаюсь. Как под крылом ангела-хранителя. Под защитой духов, пращуров моих монгольских. У меня и другие пращуры есть: праболгаро-еврейские. Я с ними раньше связь установила. А сегодня и эту мою кочевую, коврово-набивную кровь нашла. Пусть и эта струя в моём источнике Живой воды бьётся. Пусть и эта кровь не безымянная, названная, в моих жилах течёт.

А жук этот – обезьяна подбоченившаяся, всем гадам, которые по моей жизни прошлись и теперь их уже нет, и всем гадам, которые меня сегодня подстерегают, предупреждая, что с многодетными лучше не связываться, спокойно так, но строго, глядя им в самые глаза, говорит:

– У-У!

10 сентября 2009 г.

Димчево

Гроза
Повесть

Мама (после чтения книги вслух):

– Видишь, ни слова лжи – всё правда.

Яна(ей неполных тринадцать лет):

– Как фильмы, в конце которых пишут: по реальному случаю. Они там, конечно, добавляют от себя, чтобы выглядело убедительнее. А жизнь,

мам, слишком шокирующа, чтобы её описание выглядело достоверно.

Начало девяностых…

Елена решила ехать днём раньше – японские перепела, ещё сидящие в своих яичных келийках, начали попискивать. Собралась, как всегда, быстро: в одну руку пластмассовое ведро – инкубатор с крапчатыми, чуть больше напёрстка, яичками, в другую – рассаду баклажанов, остальное – в рюкзак. Путь привычный: отправление с Савёловского с пересадкой в Кимрах на кукушку до Углича, и в четыре пополудни – полустанок Красное. Потом через полотно, мимо барака железнодорожников, мимо блещущего в отдалении Волжского залива – полями – два километра до Ратманово, маленькой деревушки, затерявшейся в северном Поволжье. Только вот из московской квартиры никак не можешь предвидеть, что залив вышел из берегов навстречу тающим снегам и затопил весь просёлок.

Ещё в ползущей одноколейкой кукушке Елена поняла, что Волга этой весной не шутит.

– Хорошо, что Боря нас довёз, – по-волжски окая, сообщает только что вошедшей пассажирке, по всей видимости хорошей знакомой, черноглазая девчонка лет двенадцати.

– Обещал узяти от уляктрички и обратно, как выртаться будем. А то на робыню Исару без трахтура не-еее, не поспе-

ем, – добавляет её бабуля, повязанная платком в розах по-летнему, как косынкой.

– Да не Исара, а Изаура, я ж те говорила, – устыдившись за бабулю, не глядя на неё, а закатив глаза, поджав губы и даже мотнув с досады головой, заливается краской девчонка.

– А я вот и сапоги надела, но мокрая по самую ж…, – досадуя, отвечает им бойкая моложавая знакомая. – А нам ещё на рынке целый день стоять.

Елена смотрит на свои кеды, потом рассеянно – за окно на колышущуюся волю мощного соснового стояка. Сейчас стволы перемежаются со светом, а потом лягут на полотно шпалами под поезда и снова будут перемежаться – только уже с землёй.

С приближением кукушки к Угличу вагон постепенно пустеет, и Елена раскладывает свой живой багаж на старый, окованный алюминиевым рантом откидной столик у окна. Пыхтит допотопный трёхвагонный поездок, силясь справиться с плоховато уложенными рельсами, перетряхивает всеми своими болтами и панелями. И в такт стуку колёс прыгает по столику солнечный зайчик; и вот уже допрыгал и сел на попискивающие яички.

Елена чутко прислушивается к этому писку и вдруг замечает, что одно яйцо треснуло. Она отодвигает картонную ко-

робку от солнца, но поздно! – на другом яичке прямо у неё на глазах появляется чёрная дырочка. И оттуда, из небытия, настойчиво и мучительно проклёвывается птенец. Вот уже в разные стороны расползаются трещинки, и наконец в расколовшейся надвое скорлупке предстаёт перед Еленой плотно сложенный пёстрый перепелёнок.

Полузакрыв глазки, он потягивается, разгибая затёкшую ножку, переваливается на другой бок, высвобождая другую, подмятую, и, дрожа всем телом, опираясь на воздух трепещущими маленькими полуголыми крылышками, медленно поднимается. Как же он уместился-то там такой большой в сравнении с лежащими рядом яичками?

Елена принимает ещё одни «роды», сразу же поит птенцов предусмотрительно взятой марганцовкой из пузырька и тут только ужасается: «Как же я их донесу?!..»

Вода, повсюду – вода. Местами по пояс. Но на груди пригрелись птенцы, и надо торопиться. Надо их скорее устроить под лампой: она будет их верной «мамой».

Елена вспоминает хозяйку мини-фермы в малогабаритной московской квартире. На фоне десятков клеток с перепелами, в удушливой атмосфере с запахом птичьего помёта табуретообразная коротко подстриженная потомственная крестьянка, волею судеб оказавшаяся горожанкою, объясняла Елене:

– Реле купите на Арбате в зоомагазине. Спросите для ры-

бок. Присоедините к лампе – и круглосуточно чтоб грела. Ну, счётчик там, сами понимаете, обратно крутить придётся. А у вас жильё-то где? Если ещё не оборудовали, дам адресок. Парень сделает профессионально, как у меня, но, чур, сразу уговор: яйца продаём по районам. Юго-запад – мой!

…Хорошо, что этой дорогой она ходила не раз, и нет опасности ухнуть в какую-нибудь яму, коварно затянутую сверху по-весеннему тёмной водой. Ощущение рвущейся по воде птицы не оставляет ни на минуту Елену. Её слегка сносит подводным течением, ложбинки подворачивают ноги, но она несётся всем корпусом вперёд, и вот уже замаячило Ратманово, и бетонная дорога, в шутку называемая местными жителями «БАМом» по имени сибирской Байкало-Амурской магистрали.

Её дом – второй справа: просторный, с высокими потолками сруб из мощных, не обхватишь, брёвен. В центре – печь с маленькой лежанкой и аккуратным подтопком в голландских изразцах. От печи до фасадной стены с тремя окошками – перегородка с высокой двустворчатой белой дверью и бронзовой, позеленевшей от времени ручкой, а ближе к окнам в неё вмонтирован неглубокий стенной шкафчик с тремя полками от пояса наверх, с застеклёнными по-городскому дверцами. Дом – купеческий, столетний, на высоком подклете, с двумя летними горницами, смотрящими на огороды, и крутой лестницей на чердак между ними. Всё в нём

основательно и добротно: всюду литые петли и вращающиеся затворы, а на одном из окон даже сохранилась решётка из широких кованых лент. На чердаке Елена нашла прялку с кроснами, плоское деревянное корыто и изящное коромысло. Только на русском севере встречается такая изысканная линия в сравнении, например, с южнославянскими почти прямыми – глаза бы не глядели, называемыми кобылками. На чердаке – окно в выпиленных морозных узорах. Дом обшит вагонкой, тонкими дощечками, выкрашенными в серо-голубой цвет. По двум фронтальным углам – квадратные колонки с капителями…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.